И2К10
С 973

В. СУХОВ

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В XX ВЕКЕ

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1931

ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВФО ЦК ВЛКСМ
И НАЧ. ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ИМ. ФРУНЗЕ ТОВ. ЭЙДЕМАНА

Сухов В.Г.
X

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В XX ВЕКЕ

★

1 экз.

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

К. П

Д-8

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ИЖ10
С973 Р

Типография Изд-ва „Молодая Гвардия", Ленинград, В. О., 5 лин., 28. Заказ изд. № 5097. Ленинградский Областлит № 70.585. Тираж 15 100 экз. Печатн. лист. 7.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

СФ 11537

3/7/2 192037
3/1

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая брошюра написана группой работников Военной Академии РККА имени М. В. Фрунзе [1].

Авторы, исходя из общего плана библиотеки, свою тему сознательно ограничили изложением вопросов военно-технического порядка, уделив главное внимание развитию технических средств борьбы. В связи с этой целеустановкой брошюра при описании четырех основных войн XX века дает лишь краткое изложение хода собственно военных событий и только вскользь освещает политический и экономический фон этих войн. Такие характерные для современных войн проблемы, как перерастание империалистических войн в гражданские, как экономика войны, пути развития современного оперативного искусства — должны будут по плану библиотеки найти более обстоятельное освещение в других трудах [2]. В брошюре не дан исторический очерк гражданской войны 1918 — 21 гг., а лишь выводы военно-технического порядка по этой войне. Более обстоятельный ответ на вопросы, связанные с гражданской войной 1918—21 гг., читатель найдет в книге тов. Голубева—

[1] В редактировании и переработке написанного В. Суховым первоначального текста брошюры участвовали Б. Горев, Ю. Маковский, Р. Эйдеман и др.

[2] См. брошюры тт. Горева, Венцова и Белицкого.

«Гражданская война 1918—21 гг.» В брошюре также не затронут богатейший, интереснейший опыт национально-революционных и гражданских войн в колониальных и полуколониальных странах в течение последнего десятилетия. Изучение этих войн вывело бы авторов за поставленные перед ними рамки труда.

Р. ЭЙДЕМАН

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В XX ВЕКЕ

Политико-экономическая база развития военного искусства. Постоянная армия XVIII века и кадровая армия XIX века. Как создавался „вооруженный народ". Проблема вооружения и снабжения массовых армий и развитие промышленности и техники в конце XIX века. Рост военных бюджетов и роль военной промышленности в подготовке империалистической войны 1914—18 гг. Усовершенствование оружия как фактор эволюции тактических приемов и форм. Мировая и гражданская войны — основные этапы в развитии военного искусства в XX веке.

Говорить о развитии военного искусства в XX веке — значит говорить о развитии военного искусства в эпоху империализма, в эпоху, которая под конец первой мировой империалистической войны осложнилась гражданской войной и пролетарской революцией. Военное дело во всех его проявлениях обусловливается развитием производительных сил и вытекающими отсюда факторами социально-экономического и политического порядка; чем полнее и глубже вскрыты последние, тем яснее будет понимание развития военного искусства, ибо оно самым тесным образом связано с их изменением. Однако задача и объем настоящей работы не позволяют

нам особенно углубляться в анализ социально-экономического базиса, соответствовавшего каждому из этапов развития военного искусства. В этой области мы ограничимся лишь краткими замечаниями; главное внимание будет нами заострено на военной стороне дела, на характеристике развития основных военных вопросов.

Вторая половина и особенно последние десятилетия XIX в. и начало XX в. характеризуются гигантским развитием техники, особенно в области металлургического и химического производства, электротехники, транспорта и связи. Достаточно напомнить хотя бы такие общеизвестные изобретения, как новые способы изготовления чугуна и стали, динамомашина, двигатели внутреннего сгорания, электрическое освещение, электрический двигатель, телефон, беспроволочный телеграф и аэропланы, чтоб увидеть, какие сдвиги произошли в это время в деле развития производительных сил, что, конечно, не могло не отразиться на росте усовершенствований в области *военной техники* и на увеличившихся возможностях ее *массового* производства. Бездымный порох, пулемет, тяжелая артиллерия, броненосцы и подводные лодки, военная авиация и военно-химическое дело — все эти военные изобретения эпохи империализма, при чем они стимулировались не только общим ростом производительных сил капиталистического мира, но и ростом его *международных и внутренних противоречий*.

К концу XIX века весь земной шар был в основном поделен между главнейшими капиталистическими государствами, и предстояла неизбежная борьба за *передел* мира, что еще усиливалось неравномерным развитием капитализма и появлением на международной арене новых, быстро растущих империалистических государств (Япония, Соединенные штаты, Германия, царская Россия). При этом в России, где капитализм развивался в обстановке пережитков феодализма и в рамках азиатского самодержавия, где борьба пролетариата, крестьянства и угнетенных наций была неразрывно связана, накоплялись огромные запасы рево-

люционной энергии, которая разрядилась в течение 12 лет в трех потрясших мир революциях.

Это в свою очередь вызвало обострение национальной борьбы на Востоке и ряд революций в Азии и в то же время обострение классовой борьбы в Европе.

Само собою разумеется, что из всей этой охарактеризованной нами социально-политической обстановки вытекала неизбежность столкновений как между отдельными крупными капиталистическими государствами, так и между целыми группами их, при чем, вследствие тесной связи экономической жизни отдельных государственных организмов с общим развитием мирового хозяйства, от участия в грядущей схватке не были застрахованы не только крупные государственные образования, но и второстепенная мелкота, так или иначе попадавшая между молотом и наковальней.

Эта характерная особенность капиталистического развития эпохи империализма обусловила, уже в начальный период его, большой размах роста вооруженных сил большинства европейских государств. «Вооруженный народ»—вот вполне сформировавшаяся к концу XIX века система организации вооруженных сил, последовательно развивавшаяся в первое десятилетие XX века; из крупных европейских государств только одна Англия, опиравшаяся на морскую вооруженную силу, не ввела у себя всеобщей воинской повинности и ограничилась сравнительно небольшой постоянной армией вербовочного типа. Но что такое «вооруженный народ»?

«Вооруженный народ» — это система кадровых армий, пришедшая на замену «*постоянных армий*». Постоянная армия как система характерна собственно лишь для XVIII века; она предусматривала такой порядок устройства войск, при котором *в мирное время армия находилась почти в том же составе и числе, в которых она предвиделась для войны;* в эпоху развития промышленного капитала, в XIX веке, «постоянная армия» как система постепенно сопровождается «поправками», явно или тайно, сознательно или бессознательно стремящимися к образованию и накоплению в стране

запаса обученных военному делу людей, могущих усилить постоянную армию в случае войны. К началу 70-х годов XIX века, с введением всеобщей воинской повинности, «постоянные армии» как система перестают существовать, уступив место *«кадровым армиям»*, которые были построены по образцу Пруссии, перешедшей на кадровую систему уже к концу наполеоновских войн. Характерным для кадровых армий, по сравнению с прошлым, был меньший срок службы военнообязанных под знаменами; эти армии, оставаясь опорой господствующему классу в отношении «поддержания» внутреннего порядка, в то же время *были школой, через которую пропускалось значительное число годного к службе мужского населения страны*, получавшего в ней военную подготовку.

Краткость срока службы военнообязанных под знаменами была одним из существенных условий, определявших успешное накопление в стране запаса обученных военному делу людей. Но краткость службы могла затруднить такую «обработку» армии, которая обеспечивала бы надежность солдата для службы «поддержания внутреннего порядка» в стране; кроме того, самое наличие в толще народных масс подготовленных в военном отношении людей могло быть опасным для господствующих классов фактором в случае появления и развития революционного движения в стране. Это обстоятельство в первое время сильно пугало буржуазию и дворянство и сдерживало развитие принятой системы, и только своего рода необходимость заставляла итти все дальше и дальше по этому пути. Между прочим, очень характерно хронологическое совпадение германского военного закона 1888 г. с начальными шагами империалистских устремлений Германии; этим законом вместо двенадцати возрастов населения, которые ранее значились в составе вооруженных сил (под знаменами и в запасе), германская военная система расширяет военное напряжение страны на возраст от семнадцати до сорока пяти лет; около семидесяти процентов годного к военной службе населения получало военную подготовку.

Во второй половине XIX века начинается, а в начале XX века особенно усиливается то *соревнование в численности вооруженных сил, которое сделало возможным появление на полях сражений многомиллионных армий 1914—18 гг.* Темпы этого соревнования можно проиллюстрировать такими данными: за период 1869—1912 гг. численность регулярных армий (кадровых) шести главнейших европейских держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции — возросла с 2 111 000 до 3 184 000 чел., т. е. на 51 процент. Особенно повышенный темп увеличения контингентов армии был за последние годы перед империалистической войной. Так, например, увеличение контингентов в 1911, 1912 и 1913 гг. будет: для Франции — 243, 256 и 445 тыс., для Германии — 271, 284 и 356 тыс. чел. В результате соревнования перед началом мировой войны Германия и Австро-Венгрия, вместе взятые, имели армию мирного времени в 1 239 000 чел., разбухавшую в момент мобилизации до 3 485 000 чел.; Россия, Франция, Англия (считая у последней лишь экспедиционные войска), Бельгия и Сербия имели армию мирного времени в 2 521 000 чел., военного времени—в 5 706 000 чел. Но это были лишь, так сказать, «начальные миллионы» государств, вступивших в войну первыми, «миллионы», подготовленные в мирное время; в дальнейшем напряжение воевавших сторон еще усилилось, и, кроме того, в войну втянулись другие государства. Всего в мировую войну девять стран антанты с населением в 420 млн. человек мобилизовали 46 млн., а численность действующих армий достигала 21 млн.; противники антанты — центральные государства (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) с населением в 193 млн чел. мобилизовали 23,5 млн., а их действующие армии достигали 8 млн. чел. В общем пятнадцать боровшихся государств мобилизовали за время войны около 70 млн. чел., из которых непосредственно на полях сражений находилось 30 млн. чел.

★

Итак, превращение капитализма в его конечную стадию, в империализм, отразилось в военном секторе мощным ростом численности армий, развернувшихся при мобилизации в миллионные вооруженные массы. Но ведь вооружение этих масс должно было быть заранее подготовлено, для передвижения их на театр военных действий нужны были дороги и перевозочные средства, которые должны были также обеспечить доставление этим массам огромного количества продовольствия, огнеприпасов и прочего имущества; наконец, многомиллионными армиями военного времени, перебрасываемыми по железным дорогам и, естественно, действующими на широких пространствах огромных театров военных действий, нужно было управлять, следовательно, иметь надежные и быстрые средства связи. *Возможность решения всех этих вопросов была обусловлена развитием промышленности и техники* конца XIX века и начала XX века.

Развитие *железнодорожного транспорта* не только по количеству и сети путей, но и по самой технике использования железных дорог сделало огромные успехи по сравнению со второй половиной XIX века, на протяжении которого железные дороги уже значительно повлияли на развитие военного искусства[1]. К мировой войне состояние железнодорожной сети и вообще железнодорожного транспорта в целом достигло такого развития и совершенства, которое позволяло в широкой мере пользоваться этими путями сообщения и не только для перевозки армии на театр войны, как это только собственно было возможно в войнах XIX века, но и для сложных перегруппировок крупных масс на самом театре войны. Усовершенствование железнодорожного транспорта позволило более гибко, чем в прежнее время, организовать самые перевозки войск, намечая их окончательное направление на тот или другой участок театра войны уже в самом процессе перевозок. На помощь паровому двигателю железно-

[1] В войнах 1859 г. в Италии, 1866 г. (австро-прусской), 1870—71 гг. (франко-прусской) и 1877—78 гг. (русско-турецкой).

дорожного транспорта в XX веке является двигатель внутреннего сгорания — автомобиль в мировую войну. Таким образом *развитие путей и средств передвижения обусловило подвижность масс, без чего они не могли бы существовать.*

Из средств *связи* телеграф уже сказал свое первое слово в войнах второй половины XIX века; дальнейший его количественный и качественный рост обеспечивал возможность управления широко и глубоко разбросанными вооруженными массами. В добавление к телеграфу появляются телефон и радио, кроме того для дублирования (удвоения) связи предложили свои услуги авиация и автомобиль.

Теперь обратимся к *оружию,* являющемуся одним из важнейших элементов военного дела; оно в значительной степени определяет уровень и формы развития военного искусства, будучи в свою очередь зависимым от общего развития промышленности и техники. *Массовые армии требовали и массовой техники,* понимая эту «массовость» не только количественно, но и качественно; задача эта оказалась по плечу эпохе монополистического капитализма; техника должна была обеспечить массовое поражение врага, и мы видим в конце XIX века и особенно в XX веке мощное развитие военной промышленности и военной техники (артиллерийские орудия, стрелковое оружие, боевые припасы, военные суда, самолеты, бронеавтомобили, танки и т д.).

★

В стремительной гонке за рост вооруженных сил желание *усилить техникой массовую армию* занимало одно из первых мест. Этим собственно и объясняется *колоссальный рост военных бюджетов отдельных государств,* несмотря на то, что кадры, как это отмечено выше, росли, по крайней мере до 1910 г., относительно слабо. Рост удельного веса военного бюджета в составе общегосударственного бюджета особенно характерен для Германии и Англии, мировое соперничество которых сыграло важнейшую роль среди обстоятельств, сделав-

ших неизбежным военное столкновение — империалистическую войну 1914—18 гг. Так, в процентах к общегосударственному бюджету, военный бюджет Германии составлял: в 1881 — 29 процентов, в 1891 — 32 процента, в 1901 — 50 процентов. Рост расходов на армию и флот Франции, Англии, Италии, России, Германии и Австро-Венгрии, вместе взятых, определяется следующими цифрами (в миллиардах франков): за 1881—90 гг.— 31.3, за 1891—1900 — 39,2, за 1900—1910 — 63,6, т. е. увеличение на сто процентов. Для характеристики милитаристического соревнования в последние годы перед войной интересны следующие цифры (в миллионах франков) роста военного бюджета Германии и Франции: в 1908, 1910, 1912 и 1913 гг. для Германии (соответственно этим годам)—1 164, 1 241, 1 647 и 1 623, а для Франции—933, 998, 1 217 и 1 343, но с добавлением к последнему 1913 г. еще 440 млн. непредвиденных расходов [1].

Такие щедрые суммы, отпускаемые государством на подготовку вооруженных сил, *не могли не форсировать развитие военной промышленности и техники.* И действительно, военная промышленность в эпоху империализма выросла в одну из важнейших отраслей индустрии, потребляя громадные массы металла. Один только германский завод Круппа в 1913 г. потребил 1,1 млн. тонн железа из 18 млн. тонн, потребленных в этом году во всей Германии в целом. Самый характер военного производства — сложность и тонкость его — требовал широкого использования и постоянного введения в военную промышленность новейших технических достижений, что делало необходимым периодический приток в нее значительных капиталов. Вследствие этого военная промышленность, сосредоточенная ранее преимущественно в казенных заводах, переходит во второй половине XIX века, особенно в конце его и в начале XX века, в частные предприятия, в которых воен-

[1] Этими цифрами, между прочим, опровергается старая басня времен шовинистского угара мировой войны о будто бы *только германском* росте вооружений в последние годы перед империалистической войной.

ное производство тесно связано с гражданским. Особенно заманчивым для частного капитала было производство дорогого оборудования морских вооруженных сил.

К концу XIX века в Англии государственные заводы в выполнении морских заказов уже отошли на второй план; в 1900 г. частными заводами выполнено 69 процентов военных заказов, а в 1912 г. — 90 процентов. Такой же процесс происходил во Франции, Германии, России и других государствах.

Военная промышленность постепенно концентрируется в руках немногочисленных монополистических объединений — фирм, с подчинением им более мелких фирм; чрезвычайно важным и интересным является тот факт, что связи между отдельными фирмами были не только в пределах одного государства, но и между фирмами разных государств, не считаясь при этом с политической ориентацией данной страны и имея до некоторой степени даже интернациональный характер. Особенно характерны в этом отношении динамитный трест Нобеля, имевший базу в Англии и в то же время связанный с рядом фабрик в Австрии, Германии, Франции и других странах, а также, в еще большей степени, синдикат «Объединенная стальная компания Гарвея», учрежденная в 1901 г. для использования патента Гарвея на производство цементированной стали. Акционерами этого общества были 5 английских, 2 французских, 2 немецких и 2 итальянских фирмы и, между прочим, в числе их такие левиафаны военной промышленности, как английские Виккерс и Армстронг, французская Шнейдера и немецкая Круппа. Хотя в 1912 г. и было объявлено о роспуске синдиката К° Гарвея, несмотря на его блестящее финансовое положение (дивиденд в 1911 г. — 15 проц.), но в скрытой форме синдикат продолжал существовать и в дальнейшем интернациональные связи военной промышленности были настолько прочны, что в замаскированном виде сохранились даже во время империалистической войны.

Такая концентрация военной промышленности в руках частных монополистических объединений, заинтере-

сованных ради наживы в развитии производства, обеспечивала армии насыщенность последними достижениями техники, но с другой стороны чрезвычайно способствовала заострению противоречий и конфликтов между отдельными государствами, чтобы тем самым толкать на дальнейшее военное напряжение. Отметим кстати, что при такой связи фирм между собой, как это отмечено выше, трудно было сохранить секретность военно-технических достижений. Распространено мнение, что появление у германцев в начале кампании 1914 г. знаменитых 42-сантиметровых мортир [1] было совершенной неожиданностью для других; в действительности русская тайная агентура давала сведения о производстве их еще до мировой войны.

Таким образом *общее развитие промышленности обусловило возможность мощного расцвета военной промышленности*, вследствие чего оружие и иные предметы военной техники могли быть предоставлены миллионным массам количественно в достаточной степени, во всяком случае для тех «малых миллионов», которыми государства предполагали ограничиться в ожидаемой войне. Правда, вспыхнувшая в 1914 г. империалистическая война уже в первый год ее показала, что имеющиеся расчеты были слишком скромны, что для борьбы в мировом масштабе исчисленные «миллионы» недостаточны.

Пришлось развивать производство до колоссальных размеров уже в самом процессе войны.

Мы уже отмечали, что массовое вооружение требовалось в смысле не только количества, но и качества, — техника должна была обеспечить массовость поражения. И техника разрешает поставленные ей задачи: появляются сначала магазинные ружья, затем пулемет, скорострельная артиллерия, могущая в кратчайший срок образовать широкие и глубокие районы поражения; позднее, уже в мировую войну, химическая промышленность порождает газовые средства, в сильной степени

[1] Наличие этих исключительно мощных орудий сыграло решающую роль в быстром падении бельгийских крепостей в самом начале войны.

содействующие массовому поражению врага; немалую роль в этом играют и свойства авиации.

★

Чтобы дать читателю более ясное представление о развитии оружейной техники на рубеже XIX и XX веков (что отразилось большим сдвигом в эволюции военного искусства), скажем несколько слов о том, что представляло собою оружие предшествовавшего периода — эпохи войн 1859, 1866, 1870—71 и 1877—78 гг.— пяти больших европейских войн второй половины XIX века. Эта эпоха — эпоха нарезного оружия, пришедшего на смену гладкостенному оружию, с которым проводились войны XVIII века, французской революции и Наполеона. Винтообразные нарезы в стволе ружья и орудия (благодаря которым вылетавшая пуля или снаряд получали вращательное движение) увеличили мощность огня вообще и в частности дальнобойность оружия.

Нарезная артиллерия третьей четверти XIX века по меткости, при стрельбе на дистанцию в 1 километр, в пять раз превосходила гладкостенную артиллерию, а ее дальнобойность возросла до трех—трех с половиной километров. Нарезное пехотное ружье у австрийцев имело дальность до 1 200 шагов, но заряжалось не с казны, а с дульной части; у пруссаков хорошее ружье, заряжавшееся с казны, било на 800 шагов, у французов в 1870—71 гг. заряжавшееся с казны ружье Шаспо имело дальность 2 000 шагов; у русских в 1877 — 78 гг. было использовано частично уже малокалиберное по сравнению с приведенными выше ружье Бердана — 4-линейное, очень хорошее по своим баллистическим качествам, дающим возможность стрельбы на 3 000 шагов, хотя прицел был рассчитан лишь на 1 500 шагов и уже после войны — на 2 200 шагов.

Перейдем теперь к тем сдвигам в военном искусстве, которые были вызваны появлением нарезного оружия XIX века. До появления нарезной артиллерии противники двигались походным порядком, сближались для

боя на близкое расстояние друг от друга, сосредоточивались в крупных массах один перед другим и затем уже из этого сосредоточенного положения строили свои боевые порядки; самый бой проводился в плотных построениях — батальон не расчленялся даже на роты; пехотный огонь не имел большого значения и применялся в слабой степени в виде очень небольших стрелковых цепей впереди; *мощный огонь артиллерии, собранной в большие батареи, затем удар пехоты и конницы — вот в общих чертах картина боя при гладкостенном оружии.*

Нарезная артиллерия, расширив своей дальнобойностью дистанции огня, резко повлияла и на завязку боя и на характер его ведения. Прежнее предварительное сосредоточение крупных масс непосредственно перед боевым порядком противника и последующее их развертывание для боя должно было замениться построением боевого порядка уже при *подходе* к расположению противника, *заставляя развертываться прямо из походных колонн.* Нарезная артиллерия вместе с нарезным ружьем заставили разредиться пехотные построения. Во избежание крупных потерь от огня, уже не только батальон стал расчленяться на роты, но даже роты начинают расчленяться на взводы. Появляется вызванная необходимостью цепь, т. е. редкое построение пехотных бойцов в линию. Пехота вынуждена сама вести огневой бой, не полагаясь только на огонь артиллерии. Сильный огонь нарезного оружия стеснил также работу конницы на самом поле сражения. Но ширина фронта сражения изменилась по сравнению с эпохой гладкостенного оружия весьма незначительно, ибо огневая сила нарезного оружия второй половины XIX века еще не давала возможности расчленять боевой порядок на отдельные группы со значительными между ними промежутками. Попрежнему сражение развертывалось на небольшом пространстве и продолжалось обычно один день.

Отметим еще один существенный штрих — пехота под влиянием огня стала стремиться окапываться, и к началу 70-х гг. в ее снаряжении появляется небольших размеров лопата («малая лопата Линемана»).

Необходимо упомянуть. не останавливаясь на этом подробно, о том опыте, который XX век получил в наследство от гражданской войны Соединенных штатов Северной Америки (1861—65 гг.), в которой техника сделала, по сравнению с Европой, значительный скачок вперед, выдвинув прообраз современных пулеметов и нарезные ружья. по свойству приближающиеся к магазинкам конца XIX и начала XX века.

Резюмируем: *нарезное оружие конца XIX века по мощности своего огня уже в сильной мере заставляло разрежать и расчленять боевые порядки.* Но все же дальнобойность его, особенно артиллерии, была еще невелика, а главное — была незначительна скорострельность. Кроме того в составе полевой артиллерии не было таких тяжелых образцов, которые могли бы успешно бороться с укреплениями, быстро воздвигаемыми пехотой в полевом бою.

★

Характерным в развитии техники оружия на рубеже XX века является стремление увеличить дальнобойность, получить для полевой артиллерии такие образцы, которые обеспечили бы возможность борьбы с полевыми укреплениями, а главное, возможность в кратчайший срок наносить противнику большие потери, т. е. добиться скорострельности оружия.

Это время можно назвать *начальным периодом автоматического оружия.*

В отношении *дальнобойности* артиллерия достигла крупных успехов уже в 80-х годах, когда получила дальность немного ниже той, с которой началась мировая война. *Скорострельность* артиллерии была достигнута во французской 75-миллиметровой пушке образца 1897 г. и собственно это единственная пушка, которая в полном смысле слова является скорострельной, хотя и артиллерия других государств, принятая в конце XIX и начале XX века, по своим свойствам также считается скорострельной. Кроме скорострельности существенное значение имели приборы для стрельбы, давшие артил-

лерии возможность стрелять с закрытой позиции [1], располагаясь в бою не на линии пехоты, а за нею.

Скорострельность артиллерии и возможность стрельбы с закрытых позиций оказали резкое влияние на характер боя: мощность и гибкость огня, легко перекидываемого из глубины боевого порядка в различных направлениях, позволили расчленить построение в бою с большими промежутками между отдельными войсковыми группами, а это в связи с силой пехотного огня обусловило *большое протяжение фронта сражения;* мощность огня, большие дистанции, на которых он стал вестись, растянули сражение и *по времени* по сравнению с эпохой нарезного оружия XIX века.

Тяжелую артиллерию в полевую армию первой ввела Россия в виде полевых мортир образца 1886 г.; они скоро оказались устаревшими, а русская экономика не скоро позволила развить этот тип артиллерии. Франция вообще не стремилась к развитию тяжелой артиллерии, уповая на свою действительно прекрасную пушку 1897 г. Только одна Германия стала на путь широкого развития тяжелой артиллерии, введя ее в состав корпусов и, кроме того, имея армейскую тяжелую артиллерию; развитие в Германии металлургии и машиностроения являлось благоприятной предпосылкой и для развития артиллерии.

Соответственно развитию крупнокалиберной тяжелой артиллерии изменялись и требования, предъявляемые к крепостям. Крепости, учитывая все растущую мощь артиллерийского огня, начинают применять бетон и броню; расширяется крепостной район, система крепости получает характер отдельных крупных укреплений — фортов, выносимых далеко от центра того пункта, который они обороняют, в виде пояса фортов.

*

[1] При стрельбе с закрытой позиции стреляющая батарея не видит противника, а последний не видит батареи, скрытой за холмом, за лесом, в лощине и т. п. Направление орудий на цель проводится при помощи особых приборов по команде командира батареи, находящегося на наблюдательном пункте, откуда цель (противника) должна быть видна.

Магазинное мелкокалиберное ружье, существующее и до настоящего времени, применяется на вооружение европейских армий уже с конца 80-х годов, в русской армии — с начала 90-х годов. Значительно позднее распространяется пулемет — количественно он еще слабо представлен и в англо-бурскую войну 1899—1902 гг. и даже в русско-японскую войну 1904—05 гг. Первые его образцы были очень тяжелы, на громоздких повозках. Как массовое оружие пулемет был применен только в мировую войну 1914—18 гг.

Однако эффект появления новых типов оружия, вначале даже не в больших количествах, оказался чрезвычайным.

Новое оружие, увеличив мощность огня, в корне изменило характер сражения, расширив его фронт и глубину. Пехота оказалась вынужденной отказаться от густых построений и должна была стараться выбросить в первую линию побольше бойцов для действия огнем, что естественно приводило к расширению фронта работы ее отдельных частей. Артиллерия, могущая сосредоточить мощность огня на различных участках фронта, создает огневые заслоны и в промежутках между отдельными пехотными группировками.

Это обстоятельство еще более ведет к расширению фронта сражения.

По времени бой растягивается на несколько дней. Столкновение крупных сил начинает принимать характер сочетания отдельных боевых очагов, разбросанных на большом пространстве в огневой или только маневренной, оперативной связи. Если армии XIX века дерутся на фронте в двадцать километров и в течение одного дня завершают сражение, то в начале XX века (русско-японская война) армии той же численности разбрасываются уже на фронте в пятьдесят-шестьдесят километров и дерутся больше недели. Мощность огня делает почти неприступным фронт неприятельского расположения или, по крайней мере, обязывает принимать серьезнейшие меры для того, чтобы огнем атакующего надломить огонь обороны; отсюда *развивается стремление только сковать противника на фронте, направляя*

действия против его флангов, а погоня за флангами не может не вести к еще *большему расширению фронта сражения*.

★

Техника конца XIX и начала XX веков широко и глубоко выявила себя в мировую войну 1914—18 гг., получив свое главнейшее развитие в процессе этой войны. Эта война является *крупнейшим этапом в развитии военного искусства*.

Преддверием к этому этапу явились войны: англо-бурская 1899—1902 гг., русско-японская 1904—05 гг. и балканская 1912 г., не считая ряда мелких войн в колониальных странах: истории было угодно в этих войнах предварительно испробовать новые средства борьбы, чтобы потом в грандиозном масштабе показать их силу в мировой империалистической войне. В следующей главе мы будем говорить о войнах англо-бурской и русско-японской, опыт которых к началу мировой войны был основательно изучен, в значительной мере продуман и учтен. Балканская война 1912 — 13 гг. не внесла существенно нового по сравнению с русско-японской войной, да, кроме того, ее не успели как следует изучить к моменту начала войны 1914 — 18 гг.

Октябрьская революция, положившая начало рабоче-крестьянскому государству, привела к новой и основной политической группировке. С одной стороны — капиталистические государства с неизбежными противоречиями между ними и со все более и более заостряющимися классовыми противоречиями внутри каждого из них; с другой стороны — Советская республика пролетариата, «организованного в господствующий класс».

Противоречия между ними, выражающие классовые противоречия буржуазии и рабочего класса не меньше, чем противоречия между капиталистическими группировками, приведшие последние к войне 1914—18 гг, и делающие неизбежными новые войны между ними. Вот почему война империализма против советского государства началась чуть ли не с первых дней Октябрьской ре-

волюции. Гражданская война 1918—21 гг. есть не только борьба рабочих и крестьян против контрреволюции, организовавшейся на многих участках Советской страны, но эта война была первой войной пролетариата, «организованного в господствующий класс», с империализмом. *И война эта является ярким этапом в развитии военного искусства.* Изучению ее должно быть уделено особое внимание[1]. В этой брошюре мы отметим лишь наиболее характерные черты ее опыта.

Период после империалистической войны 1914—18 гг. заполнен войнами. Капиталистические государства продолжают борьбу за утверждение своего господства в колониальных странах. С другой стороны поднимается волна восстаний пролетариата и угнетенных масс в странах капитала и их колониях. Мы не имеем возможности остановиться на характеристике этой борьбы. Давая очерки последнего десятилетия, мы отметим лишь те основные тенденции в развитии вооруженных сил и в подготовке к войне, которые стали свойственны нашей эпохе, когда развитие капитализма неминуемо ведет к новой большой империалистической войне между отдельными группировками капиталистических государств, а также к войне империализма против СССР, противопоставляющего хозяйство социалистическое хозяйству капиталистическому. Здесь же будут отмечены также и основные за эти годы тенденции в развитии техники.

★

Прежде чем перейти к конкретному изложению развития военного искусства в XX веке по отдельным этапам, считаем необходимым подчеркнуть еще одно условие, наложившее отпечаток на развитие военного искусства. Мы имеем в виду *идеологическое наследство*, которое XX век получил от предшествующей ему эпохи.

Теория военного искусства конца XX века базировалась на опыте наполеоновских войн и на опыте войн XIX века, из последних преимущественно на опыте кам-

[1] См. брошюру тов. Голубева „Гражданская война 1918—21 гг."

пании 1866 г. и кампании 1870 г. франко-германской войны 1870—71 гг. Каждая из наполеоновских войн, взятая отдельно, а также войны 1866 г. и 1870—71 гг. были непродолжительны по времени; решительные операции и сражения этих войн быстро и резко приводили к исходу всей борьбы. Отсюда у большинства военных работников, за очень редкими исключениями, сложилось представление *о будущей войне как о войне скоротечной*, в которой вооруженные силы мирного времени, усиленные при мобилизации притоком накопленного запаса обученных военному делу людей, должны быстрой, энергичной схваткой с противной стороной в короткий срок решить участь борьбы. Мощное развитие разрушительных средств борьбы воспринималось как обстоятельство, которое должно обусловить не затяжку, а скоротечность войны. Такие войны XIX века, как восточная война 1853 — 56 гг. и гражданская война Соед. штатов Сев. Америки 1861—65 гг., — обе затяжные, вскрывшие большое значение для ведения войны вопросов экономических и политических, — серьезно не изучались, а если изучались, то только в плоскости вопросов оперативных и тактических. *Предвзятая мысль о характере будущей войны, основанная лишь на опыте блестящих в оперативном отношении избранных кампаний, сковала понимание развития военного искусства, а тем самым мешала нахождению правильной линии поведения в конкретных условиях новой эпохи.*

В значительной степени эта же предвзятость и косность наблюдается и в отношении разработки вопросов *тактики;* здесь также была заметна *склонность застыть на определенных приемах и формах минувших войн, не было смелого подхода к анализу развивающейся техники, требующей соответственно и новых тактических приемов и форм.* Особенно характерна в этом отношении русская военная мысль, не имевшая к тому же возможности изучить итоги последней крупной русско-турецкой войны 1877—78 гг., официальное описание которой вышло с большим запозданием и уже в XX веке.

*

„Ничто не зависит в такой степени от экономических условий, как армия и флот. Вооружение, состав, организация, техника и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от путей сообщения. Но „свободное творчество разума" гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют характер борьбы к новым борцам" (Фридрих Энгельс).

Это, конечно, не значит, что следует ограничиваться только конкретными условиями сегодняшнего дня и возможными сдвигами будущего. Прошлое и интересно и поучительно. Изучение его дает возможность проследить, какие обстоятельства в различные периоды развития экономики, общества и государства обусловливали то или другое решение вопроса; знакомство с прошлым и его понимание расширяет кругозор и развивает мышление военных работников для лучшего уразумения сегодняшнего дня и перспектив на завтра.

Изучая старину, нужно чутко улавливать биение пульса сегодняшнего дня и смело итти, путем анализа конкретных условий, к новым формам, новым приемам. На этот путь после мировой войны широко стали не только у нас в СССР, но и за рубежом. Наша Красная армия особо подчеркивает это в своем новом полевом уставе, который говорит: «Развитие существующих средств борьбы идет быстрым темпом, появляются новые боевые средства. Все это изменяет формы и способы боевых действий, а потому *командиры и красноармейцы обязаны внимательно учитывать появление новых боевых средств* и тактических приемов у противника и сообщать по команде свои тактические выводы и наблюдения».

Вот прекрасный пример целесообразной организации массового опыта снизу в таком мощном коллективе, каким является наша Красная армия.

ГЛАВА II

ОПЫТ АНГЛО-БУРСКОЙ (1899 — 1902 гг.) И РУССКО-ЯПОНСКОЙ (1904—1905 гг.) ВОЙН [1]

Англо-бурская война. Характеристика сторон. Роль и задачи отдельных родов оружия по опыту англо-бурской войны. Русско-японская война. Русская и японская политика как основа военной подготовки борьбы. Свойства театра войны и сообщения. Характеристика вооруженных сил России и Японии. Боец, оружие, обучение войск. Русский и японский планы войны. Ход кампании. Итоги и опыт войны.

1. УРОКИ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

Война эта возникла в результате стремлений великобританского империализма к овладению всей Южной Африкой. Прежде всего необходимо отметить, что в этой войне противные стороны *были резко различны по своей подготовке. Буры не представляли собственно даже милиции, так как никакого обучения военному делу в мирное время у них не существовало;* единственными кадрами были небольшие полицейские отряды и маленькие команды артиллеристов. Но вследствие ряда

[1] Обе эти войны представляют большой интерес. Однако мы более подробно остановимся лишь на войне русско-японской, коснувшись как ее подготовки, так и самого хода боевых действий. Война англичан с двумя бурскими республиками — Трансваалем и Оранжевой,—затянувшаяся почти на три года, характерна как пример борьбы

быговых условий и в виду необходимости в предшествовавший период вести борьбу с неграми, имевшими огнестрельное оружие, буры были и хорошими стрелками и хорошими наездниками; их войска представляли ездящую пехоту. Вооружение буров состояло наполовину из ружей старых нарезных образцов и наполовину из магазинных ружей с бездымным порохом. У них была и артиллерия, правда, немногочисленная, но состоящая частично из новых скорострельных пушек; были и пулеметы Максима.

Другая сторона — английская регулярная армия вербовочного типа, составленная в значительной части из люмпенпролетарских элементов, была *в своей тактической подготовке* самой отсталой из европейских армий. Слабая стрелковой подготовкой, она, кроме того, привыкла игнорировать огонь на дальних дистанциях. Объяснялось это тем, что в предшествовавший период английская армия воспитывалась на борьбе с колониальными народами, не обладавшими огневыми средствами и выступавшими в бою сомкнутыми толпами. Обычно применяемый против них англичанами прием сводился к тому, чтобы, подпустив противника и расстроив его огнем артиллерии и залповым огнем пехоты, атаковать затем стройными сомкнутыми построениями.

Буры обычно занимали обширные позиции в одну линию, группами по 20—40 стрелков, с промежутками

крупного капиталистического государства с малочисленным противником в своеобразных условиях южно-африканского театра войны. Здесь любопытно самое соотношение сил: в первые десять месяцев войны англичане выставили двухсоттысячную армию; для поддержания достаточной численности армии в продолжение войны было отправлено на театр военных действий свыше 400 000 чел. И это при условии, когда белое население обеих бурских республик (не считая 950 тыс. негров) достигало 400 тысяч человек, из них собственно буров всего лишь 270 тыс. Военнообязанных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет имелось только 50 000 чел. Уже один этот факт заставляет заинтересоваться этой войной; кроме того она изобилует любопытными примерами партизанской борьбы, широко развернувшейся к концу первого года войны. Тем не менее, в виду ограниченного размера брошюры, мы затронем англо-бурскую войну лишь с точки зрения тактических моментов, определившихся здесь применением новой техники оружия.

между ними до 300 шагов. Их меткий огонь наносил английским войскам серьезные потери; бороться с этими группами стрелковых цепей, мало заметными благодаря бездымному пороху и хорошей вообще маскировке буров, англичанам было весьма трудно. Пустота, скрытность поля сражения требовала со стороны артиллерии тщательной организации наблюдения. К этому английская артиллерия не была подготовлена и обычно громила никем не занятые холмы, оставляя без поражения хорошо замаскированные цепи бурских стрелков. Вследствие этого английской пехоте, фронтально наступающей на бурское расположение, приходилось атаковать не расстроенную огнем своей артиллерии огневую стрелковую линию противника, и в большинстве случаев атаки не удавались: английская пехота, примерно еще за километр расстояния от позиции буров, пригвождалась к земле, а затем, материально и морально потрясенная превосходством ружейного огня противника, отступала. *Англичане несли крупные потери при ничтожных потерях у буров.* Так, в первых десяти боевых столкновениях войны потери англичан убитыми и ранеными достигли 4 438 против 530 буров, т. е. на каждых 8 выбывших из строя англичан приходился только 1 бур.

В дальнейшем, к концу первого года войны англичане пришли к убеждению о неуязвимости современного фронта обороны и, подведя свои цепи на дистанцию километра, останавливали их и окапывались. *Решения искали в действиях кавалерии, которая с поддержкой артиллерии направлялась в обход расположения буров для угрозы их тылу.* К этому времени войсковые группы буров обросли тылом с имуществом и семьями бойцов. Обычно буры, расположив спешенных стрелков в цепи, лошадей отводили назад и в тылу имели обоз и лагерь с семьями и имуществом. Угроза этому тылу со стороны англичан заставляла буров бросать свои позиции и отступать.

В общем действия англичан стали сводиться при наступлении к своего рода демонстрации на фронте, сочетавшейся с угрозой обозам противника; столкновения получили бескровный характер.

Опыт англо-бурской войны чуть было не привел европейскую военную мысль к полному отрицанию возможности успешных атак неприятельской позиции с фронта. Выдвигались предположения смотреть на бой на фронте лишь как на действия «завесы» слабого состава, выдвигаемой в виде отдельных отрядов на всех путях, ведущих к фронту противника. Главные усилия сторонники этой теории рекомендовали направлять против неприятельских флангов, стремясь для этого бросить конницу с артиллерией в свободные промежутки, не занятые еще противником на общем фронте его расположения, или, еще лучше, в обход его расположения. Конный охват и захват путей отступления должны были, согласно этому взгляду, иметь решающее значение.

Однако более внимательное изучение боевых действий внесло значительные поправки в изложенную нами теорию. Поспешный вывод о невозможности успешных атак с фронта, сделанный на основании одного только голого факта о неудачах английских атак на бурские позиции, был признан ошибочным. Обратили внимание на то, что англичане, приближаясь к противнику, не имели ни охранения ни разведки и поэтому натыкались на расположение противника неожиданно для себя; они не умели пользоваться артиллерией, не умели организовать ее огня для подготовки пехотной атаки. Было отмечено, что у англичан не было умелого управления, которое могло согласовать как следует работу отдельных наступающих частей, и что вообще их действия были весьма нерешительны и вялы.

Конечный вывод из рассмотрения опыта этой войны сводился к следующему. *Хотя усовершенствованное оружие и делает фронт обороны более сильным, но могущество современной артиллерии дает возможность при умелой организации ее огня и толковом согласовании ее работы с работой атакующей пехоты с успехом атаковать неприятельский фронт;* правда, атака будет более медленной, более трудной и будет стоить больше крови.

Усовершенствованное оружие облегчает развитие обходов и охватов, так как части, назначенные для дей-

ствий на фронте, благодаря силе своего огня, имеют возможность сковать противника перед собою и тем самым дать возможность развиться охвату или обходу; *новая техника оружия увеличивает значение полевых окопов* (самоокапывания) и говорит за развитие укреплений в глубину.

Современные условия требуют более тесной солидарности различных родов войск и, следовательно, более серьезной организационной работы при ведении боя: губительный огонь повышает требования к моральному качеству бойцов, *а общий характер боя вызывает необходимость хорошей индивидуальной подготовки солдата.*

Не успели еще как следует разобраться в опыте англо-бурской войны, как началась война русско-японская, в которой новая техника, примененная уже в большем масштабе, выявила себя еще более отчетливо.

2. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Подготовка к этой войне царской России и Японии имела резко различный характер, при чем итог этой подготовки был очень неблагоприятен для России, в противоположность Японии.

Экономические интересы правящих классов Японии к концу XIX века диктовали необходимость прочного ее утверждения в Корее и Манчжурии и, естественно, ориентировали и направляли центр тяжести подготовки вооруженных сил к борьбе с государством, которое могло стать и становилось препятствием на пути к этому. Соответственно с этим обрабатывалось отношение широких слоев населения к этой предстоящей борьбе, в результате чего фронт, образованный в 1904 г. японскими армиями в Манчжурии, имел у себя в тылу прочную общую базу, которая не только материально, но и морально питала силы, действующие на театре войны.

Совершенно иную обстановку как при подготовке к войне, так и в процессе ее ведения имела противная сторона — царская Россия. Ее политика традиционно направляла свое внимание на Босфор, на проливы из

Черного в Средиземное море, путь к которым вел через борьбу в Европе и прежде всего с Германией и Австрией; сюда же тянула Россию и финансовая зависимость от Франции. Политическое устремление на Запад определяло и подготовку вооруженных сил, в частности — их группировку в мирное время для действий в Европе. Захватнические стремления русской политики в конце XIX века на Дальнем Востоке, главным образом в Манчжурии и Корее, диктовались интересами только отдельных групп русского капитала, правда, усугубленными интересами царской династии; в силу этого не было своевременно перегруппировано внимание военного ведомства с Запада на Восток. Если по характеру внутриполитического состояния страны в начале XX века царское правительство не могло рассчитывать на поддержку со стороны широких слоев населения, то тем более нельзя было рассчитывать, чтобы вооруженная борьба на отдаленной окраине могла иметь моральную опору в своем далеком тылу внутри России.

Одним из побуждений царского правительства к этой войне было желание небольшой победной войной и связанным с ней усилением реакционно-шовинистических настроений успокоить развивающееся в стране революционное движение; однако значительная прослойка даже буржуазии была проникнута пораженческими стремлениями, в надежде на то, что военные неудачи ускорят падение самодержавия и создадут условия для перехода власти к буржуазии.

Все это не могло не сказаться как на *очень слабой в военном отношении подготовке России к вооруженному столкновению на далеком манчжурском театре войны*, так и на самом характере ведения войны. Если Япония главное внимание своей вооруженной силы и перед войной и во время ее ориентировала на манчжурский театр, то Россия, наоборот, не только при подготовке к войне, но и при ее ведении смотрела попрежнему на Запад и пыталась решить дело в Манчжурии без ущерба для боевой готовности своего основного западно-европейского фронта; кроме того, имелась, конечно, неблагоразумная, если не сказать более, недо-

оценка сил врага. В результате война была начата малыми силами, а при дальнейших их пополнениях замечалось стремление посылать на театр войны силы сортом похуже.

★

Главным театром войны явилась Южная Манчжурия, по своему характеру представляющая к западу от железной дороги Харбин — Порт-Артур равнину и восточнее этой дороги — гористую местность. Наиболее характерной чертой театра войны, повлиявшей на действия обеих сторон, явилась связь с глубоким тылом, и в этом отношении положение сторон было весьма разноценным. Для обслуживания русской армии имелась единственная железнодорожная колея, связывающая ее с центральной Россией, протяжением, считая от Сызрани до Ляояна, больше шести тысяч километров, при чем один из участков этого пути—Кругобайкальская железная дорога — был закончен постройкой уже в самом процессе войны, а до этого приходилось перегружать войска и грузы и перевозить их при помощи пароходов и барж через озеро Байкал; зимой использовались ледоколы, а при сильном замерзании войска шли походным порядком.

Провозоспособность железной дороги, особенно на ее наиболее трудном Забайкальском участке, *была ничтожная,* перевозки шли медленно. Перевозимые войска жили в вагонах по 30—40 суток, что, конечно, вредно отзывалось на их подготовке к бою, тем более, что во время переезда не сумели организовать должным образом их обучения.

Единственная железнодорожная колея, питавшая русскую армию, кстати сказать, плохо наладившую в первый период войны использование местных продовольственных средств, заставляла командование с нервной заботливостью относиться к ее охранению; кроме войск Заамурского округа пограничной стражи, охранявшей железную дорогу, охрана усиливалась и за счет действующей армии, значительно ослабляя ее

силы для действия в поле. Так, например, во время Мукденского сражения в конце февраля 1905 г.[1] на километр железной дороги в Манчжурии, в среднем, расходовалось для охраны 28 чел., а всего 50 тыс. чел. Такой характер коммуникации (связи фронта с тылом) в оперативном отношении невольно заставлял командование озираться на эту железную дорогу и нервно относиться к угрозам быть от нее отрезанным.

Япония опиралась *на морские сообщения*, и с установлением господства ее флота на море уже в самом начале войны она имела, по сравнению с Россией, *большие выгоды* в отношении своих коммуникаций. Переезд морем, продолжавшийся всего один-три дня, не мог расстроить войска и обеспечивал быстроту сосредоточения сил на театре войны. Господство на море и условия высадки давали возможность производить высадку в нескольких точках морского побережья и иметь в силу этого свое базирование на широком фронте, позволявшем занимать охватывающее положение по отношению к русской армии.

Другой, кроме вопроса коммуникации, характерной особенностью театра войны являлась крепость Порт-Артур. Ее значение определялось тем, что там была база русского тихоокеанского флота, к тому же принужденного после первого неудачного для него дня (вернее—ночи) войны искать защиты в порту этой крепости. Состязание морских сил борющихся сторон в этой войне имело большое значение, особенно для японцев, имевших морские коммуникации, и не случайно началом войны явилась внезапная атака японским флотом русской эскадры под Порт-Артуром, а конец, исход войны определился разгромом русской эскадры под Цусимой в мае 1905 г. Роль Порт-Артура как базы русского флота предопределила оперативную работу сторон: одна вынуждалась к его сохранению, другая — к его захвату.

★

[1] Время в этой книге указано везде по новому стилю.

Обратимся теперь к характеристике вооруженных сил сторон.

Численность русской армии мирного времени в начале XX века достигла миллиона с лишним; по сравнению с 1876 г. это давало увеличение на 45 процентов. число всех запасных равнялось примерно трем млн. чел., в пять с половиной раз больше того, что было в первые годы введения всеобщей повинности. Слабой стороной русской организации было развитие резервных частей, которые были хуже подготовлены, чем полевые войска, а между тем при мобилизации должны были влить в себя много пополнений.

Кроме того, плохо и количественно и качественно обстоял вопрос с подготовкой командиров (офицеров) запаса.

Рост русских вооруженных сил на Дальнем Востоке значительно уступал в своем темпе развитию внешнеполитической активности царского правительства на Дальнем Востоке. Серьезное оживление в этом росте можно отметить лишь осенью 1903 г., т. е. слишком поздно.

К 1 января 1904 г. численность русских войск на Дальнем Востоке была доведена до 97 тысяч, не считая 24 тыс. пограничников, охраняющих Манчжурскую железную дорогу. Самое сосредоточение там крупных сил не было подготовлено образованием для них складов снабжения. К началу мая, т. е. к концу третьего месяца войны. в Южной Манчжурии было сосредоточено 70 тыс.. кроме того 30 тыс. во Владивостоке и 43 тыс. на Квантунском полуострове и в Порт-Артуре. усиленные потом 17-ю тысячами моряков. принявших энергичное участие в борьбе на сухопутном фронте обороны Порт-Артура.

Усиление Манчжурской армии должно было итти за счет новых формирований и частично путем посылки полевых корпусов из Европейской России; при этом вновь сформированные корпуса, получившие название Сибирских резервных корпусов, в значительной степени состояли из *мобилизованных пожилого возраста*. При мобилизации не было возрастного отбора, призы-

вались и сорокалетние, физически, конечно, ослабевшие и в большинстве уже многосемейные. В результате десять процентов их дезертировало в пути. В начале войны кадровых солдат в Манчжурии было 70 процентов, запасных 30 процентов; к Мукдену, наоборот, 28 процентов кадровых и 72 процента запасных. Только после мукденской катастрофы послали молодое пополнение в составе 210 тысяч, из которых запасных было только 17 процентов, срочнослужащих 27 процентов и молодых солдат, получивших подготовку в европейских полках, 56 процентов.

В отношении военной техники русские войска были в благоприятных условиях. Они имели современную магазинку, не хуже винтовки врага, хорошую полевую пушку, которая превосходила японскую пушку по качествам и, главное, по скорострельности. Недостатком пушечных батарей было отсутствие у них гранат, они имели только один снаряд — шрапнель, выгодный для стрельбы по живым открытым целям, но совершенно непригодный для разрушения неприятельских укреплений, совсем бессильный перед глинобитными заборами большой прочности, которые так часто встречались в китайских населенных пунктах театра войны. Отрицательным фактором было то, что война застала русскую армию в процессе перевооружения, когда пушечные батареи частью оказались уже перевооруженными образцами 1900 и 1902 гг., а выбор образца гаубиц еще не состоялся; пришлось пользоваться устаревшими мортирами 1886 г. с незначительной дальностью боя. Мало было и горных пушек, да и те появились лишь во вторую половину войны [1].

В тактической подготовке русской армии были существенные недостатки. Последняя русско-турецкая

---

[1] *Пушкой* называется орудие, имеющее пологую, как говорят, „настильную" траекторию. Последняя может быть лишь при большой начальной скорости снаряда, для чего необходим длинный ствол орудия. *Гаубица* — более короткое орудие с крутой, навесной траекторией, позволяющей поражать цели в окопах, за закрытиями и т. д., чего не может сделать пушка. *Мортира* — еще более короткое орудие с соответствующими свойствами огня. *Горная пушка* — легкое разборное орудие, по типу приближающееся к гаубице.

война (1877—78) была мало изучена, и даже официального описания ее к этому времени не имелось. Значение огня в современном бою, значение одиночной подготовки бойца, вызываемое новым оружием, не были учтены; войска все еще обучались и воспитывались не столько для боя в рассыпных, сколько для действий в сомкнутых строях. Боевой порядок роты состоял из боевой части, в котором предусматривалось рассыпание в цепь, обычно двух взводов, и резерва из остальных двух взводов; на стройность построения и движения, особенно сомкнутых построений резерва, обращалось больше внимания, нежели на применение к местности и на толковое ведение огня. Еще в 1903 г. на учебных занятиях мирного времени цепи боевой части роты больше практиковались в ведении огня стоя, нежели с колена и тем более лежа. Ударам в штыки придавалось преувеличенное значение, и даже при обороне рекомендовалось покидать окоп и переходить в контрудар в штыки раньше, чем противник подойдет вплотную. Артиллерия не успела еще освоиться с новыми техническими средствами, позволявшими вести стрельбу с закрытых позиций, и русская армия начала войну, располагая свои батареи на открытых позициях, по высотам и гребням гор.

Общий уклон в тактической работе носил характер обороны; выгоды наступательного образа действий не всеми отчетливо сознавались; кроме того, армия страдала отсутствием единства тактических взглядов; на войне уже командующий армией пытался рядом инструкций упорядочить это дело.

Высшее командование не было подготовлено к вождению крупных войсковых масс; ряд походов предшествующих лет, в частности в Закаспийской области, подготовлял скорее к малой отрядной войне, чем к войне большой. Вообще командный состав в массе был инертен, безволен, боялся ответственности, не имел инициативы, не был склонен к активным и смелым решениям. *Моральное состояние солдатской массы* до Ляоянского сражения включительно *было в смысле боеспособности вполне удовлетворительное,* несмотря на ряд неудач

начального периода войны; особенно хороши были полевые сибирские корпуса и гарнизон (пехота и моряки) Порт-Артура. Только после отступления от Ляояна начали появляться признаки морального разложения войск, потерявших веру в победу и к тому же начавших чувствовать тот внутренний перелом, который после ляоянской неудачи переживала Россия, когда неуспехи на фронте послужили для широких народных масс толчком к активной борьбе против правительства.

Рост морских сил на Дальнем Востоке шел интенсивнее, чем сухопутных; вообще за последнее десятилетие XIX века флоту уделялось много внимания, морской бюджет увеличился за эти годы с 21 до 32 процентов военного бюджета. Новые боевые суда направлялись в Тихоокеанскую эскадру. Русская морская программа была шире японской, но заканчивалась она лишь к 1905 г., тогда как японская была завершена к 1903 г. *В техническом отношении и по подготовке личного состава русский флот был много слабее японского.*

Япония ввела всеобщую воинскую повинность в 1873 г. Состав армии мирного времени за последние восемь лет перед войной увеличился с 60 до 150 тыс. чел., военный флот—с 79 до 270 тыс. тонн; за эти годы военные расходы составляли 50—65 процентов всего государственного бюджета. При сорока пяти миллионах населения 150-тысячная армия мирного времени составляла лишь $^1/_3$ процента населения, тогда как в Европе мирный состав армии обычно составлял 1 процент населения. *Главное внимание обращалось не столько на количество, сколько на качество армии* (хороший личный состав, хорошее обмундирование, снаряжение, подготовка). В мирное время имелось всего лишь 13 дивизий, которые по штату военного времени давали 210 тыс. чел.; при мобилизации в ротах было до 60 процентов кадровых солдат, а влитые на пополнение запасные были не старше 27 лет. В дополнение к этим 13 дивизиям в военное время формировались резервные бригады. Количество вполне обученных людей в запасе было 350 тыс. и получивших сокращенное обучение 180 тыс., т. е. всего 530 тыс. обученных запасных.

Война потребовала призыва 1 185 тыс., следовательно, нехватило 655 тыс. обученных запасных, которые были получены в результате четырехмесячной, хорошо налаженной подготовки во время войны. К концу войны численность действующих японских войск, переброшенных в Манчжурию, Корею и на Сахалин, достигла 442 тыс. человек.

Пехотное вооружение было равноценным русскому, но пулеметов было больше, чем у русских; впрочем, число пулеметов в эту войну было незначительно: так, в последнем большом Мукденском сражении у японцев было 200 пулеметов и у русских — 56 пулеметов [1]. Японская полевая артиллерия уступала русской в дальности и скорострельности; 40 процентов ее батарей имели хотя и подвижную, но слабую по огню горную пушку. В пушечных батареях, кроме шрапнели, имелась и граната; кроме того, японцы располагали небольшим количеством крупповских гаубиц.

Тактическая подготовка японской армии, находившаяся под влиянием германской школы, была на большой высоте; значительное внимание уделялось огню и одиночной подготовке бойца. В 1894—95 гг. Япония вела войну с Китаем, а в 1900 г. участвовала в походе на Пекин вместе с отрядами европейских армий; опыт этих походов старательно изучался. Организационной особенностью японской армии было отсутствие корпусов — высшим соединением и в военное время были дивизии в составе всех родов войск.

Обе стороны при оценке сил врага допускали существенные просчеты. Русское командование не учло перед войной возможности крупных дополнительных формирований японской армии; оно полагало, что запаса обученных людей в Японии хватит лишь для первоначальной мобилизации; оно вообще не допускало возможности, чтобы японцам удалось перевезти на театр военных действий больше 300 тыс. чел. Сама оценка качества японских войск была разнообразна, но послед-

[1] В настоящее время пехотный полк Красной армии имеет в мирное время 36 тяжелых и 54 легких пулемета.

ние перед войной представления о ней, по крайней мере, официальные (может быть, в угоду правящим сферам), были отрицательные. С другой стороны, русское командование, наоборот, переоценивало возможность быстрого в начале войны сосредоточения крупных японских сил в Корее и Манчжурии. В свою очередь, японцы не предполагали, что русским удастся развить сибирскую железную дорогу и перебросить в Манчжурию такие силы, какие в действительности были там сосредоточены в процессе войны — свыше полумиллиона бойцов.

■

На планах кампаний обеих сторон сказалось влияние Порт-Артура, значение которого отмечено нами ранее. Стремление русских сохранить эту крепость за собою, а японцев — овладеть ею заставляло, соответственно, обе армии, как в своем развертывании, так и в дальнейшей оперативной работе, считаться с этим обстоятельством.

Сущность японского плана заключалась в том, чтобы запереть или уничтожить русский флот, находившийся главными силами в Порт-Артуре, занять Корею, вытеснить русские войска из Южной Манчжурии и овладеть Порт-Артуром. Японское командование рассчитывало одержать быстрые успехи в первый период войны, когда превосходство в соотношении сил могло быть на стороне японцев, а затем оно надеялось, что вмешательство Англии и революционное движение внутри России приведут войну к концу.

Последний *русский план войны* был составлен в сентябре 1903 г. План предусматривал, что японская армия, устроив базу в Корее, вторгнется в Южную Манчжурию, направив к стороне Владивостока лишь незначительные силы; затем предполагалось, что японцы или направят главный удар против русской полевой армии, выставив заслон против крепости Порт-Артура, или поступят наоборот. Районом первоначального сосредоточения главных сил русской армии был выбран район

Ляоян — Хайчен. Предполагалось, что через два месяца после начала войны японцы смогут сосредоточить 60 батальонов и 200 орудий, а русские — 60 батальонов и 160 орудий, а в дальнейшем, в начале седьмого месяца войны, силы японцев могут увеличиться до 156 батальонов и около 700 орудий, а силы русских — до 160 батальонов и около 500 орудий; возможность дальнейшего усиления японцев не признавалась. В действительности же оказалось, что в первое время войны японское сосредоточение шло гораздо медленнее, чем предполагало русское командование, но русские неправильно считали невозможным усиление японских сил за пределы 160 батальонов.

До получения превосходства в силах русское командование, в лице Куропаткина, имело в виду оборонительными действиями лишь замедлить продвижение японцев с тем, чтобы впоследствии приступить к вытеснению их из Манчжурии, затем из Кореи, а в перспективе оптимистически намечался десант и на Японские острова.

★

Первые военные действия со стороны японцев были направлены против русской эскадры, находившейся в гавани Порт-Артура; в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. японцы атаковали русский флот, нанеся ему крупные потери, и это сразу определило господство японского флота на море и обеспечило десант сухопутной армии. Первой высадилась 1-я армия Куроки (45 тыс.), которая, обосновавшись в Корее, осторожно продвигалась к реке Ялу и к концу апреля сосредоточилась в районе Ичжу с задачей—переправиться через Ялу, выдвинуться на переход вперед и укрепиться. Непосредственно за 1-й армией Куроки, в Цинампо, на транспортах сосредоточилась 2-я армия Оку, которая готовилась высадиться у Бицзыво.

Задача русской Манчжурской армии, сосредоточиваемой в районе Ляоян—Хайчен, заключалась в том, чтобы, притянув на себя японскую армию, не дать ей воз-

можности всеми силами обрушиться на Порт-Артур и задерживать ее наступление с целью выиграть время для сосредоточения резервов, подходящих из Западной Сибири и Европейской России.

К моменту высадки армии Куроки и ее выдвижения на Ялу, т. е. к 1 мая, группировка русских сводилась к следующему: главные силы в 45 тыс. чел. собирались вдоль Китайско-Восточной железной дороги от Ляояна до Гайчжоу, имея отряды для охраны побережья в районе Инкоу и южнее; восточный отряд в 18 тыс. на реке Ялу; отступившая из Кореи конница Мищенко(2½ тыс.) наблюдала побережье у Дагушаня; 43 тыс. было собрано в Квантуне и в Порт-Артуре и 30 тыс. во Владивостокском районе.

Твердого единого командования на театре войны с русской стороны не было; общее руководство лежало на «наместнике» Алексееве, а командование Манчжурской армией — на генерале Куропаткине. Взгляды этих двух лиц на предстоящее ведение операций были различны, при чем Алексеев стремился сосредоточить внимание на выручке Порт-Артура, а Куропаткин не хотел даже ради Порт-Артура ввязываться в серьезное столкновение с противником раньше окончания сосредоточения крупных сил. Отсутствие единства командования очень плохо отразилось на ходе первых крупных боевых столкновений; большинство из них начинается не то для того, чтобы итти вперед, не то для того, чтобы подраться только «постольку—поскольку».

1 мая разыгрался первый крупный бой между Восточным отрядом и армией Куроки, у Тюренчена на реке Ялу. Первоначальная задача Восточного отряда ограничивалась только демонстративной обороной на реке Ялу с целью выигрыша времени. «Наместник» настаивал на более упорной обороне, и окончательная задача сводила дело к тому, чтобы «*дать отпор врагу с должной твердостью, но и с благоразумием» (?!).* Соотношение сил в этом бою было не в пользу Восточного отряда, а кроме того, командование не сумело организовать бой, и он кончился беспорядочным отступлением русских войск к Фынхуанчену, при чем русские потеряли

в этом бою больше 2 800 чел., 21 орудие и 8 пулеметов, а японцы — всего лишь 1 000 чел. Расположение и действия русских частей в этом бою совершенно не отвечали свойствам современного оружия: пехота располагалась почти не окопавшись, батареи стояли на открытых позициях, а перед началом боя даже коновязи находились впереди батарей, внизу, ближе к долине реки. Уже с самого начала боя отдельные роты стремятся произвести короткие штыковые атаки, не подготовленные огнем, и этим ставят себя под огонь противника.

Такие действия Восточного отряда вместо того, чтобы замедлить продвижение японцев, наоборот, ободрили их, и Куроки продвинулся за Ялу дальше, чем ему было намечено. Вместе с тем создалась благоприятная обстановка для высадки второй японской армии Оку и Бицзыво. Между 4 и 12 мая высаживается армия Оку (40 тыс.) и направляется в сторону Порт-Артура. 26 мая она с боем проникает через Цзинь-Чжоуский перешеек и продвигается частью сил к Артуру. В дальнейшем армия Оку разделилась: часть ее составила ядро 3-й армии Ноги, назначенной для действий против Порт-Артура, остальная часть направилась для действий против Манчжурской армии в полосе Восточно-Китайской железной дороги. В середине июня в Дагушане высаживаются головные части 4-й японской армии Нодзу; эта армия при дальнейшем развитии военных действий направляется в промежуток между армией Куроки, действующей на направлении Фынхуанчен — Ляоян, и армией Оку, наступавшей вдоль Восточно-Китайской железной дороги.

Наместник ген. Алексеев, не надеясь на то, что Порт-Артур со своим гарнизоном может самостоятельно удержаться против направленной на него армии Ноги, настаивал на наступательной операции полевой армии в сторону Порт-Артура, и на Куропаткина возлагается ответственность за участь Порт-Артура. Алексеев приказывает двинуть для наступления на помощь Порт-Артуру не менее 48 батальонов; Куропаткин, не сочувствующий этому, назначает для нанесения удара по армии Оку только 32 батальона. 15 июня у Вафангоу Юж-

ный отряд (33 тыс.), предназначенный для наступательных действий на выручку Порт-Артура, дерется с армией Оку (40 тыс.), которая выдвигалась на север. В этом бою со стороны японцев наблюдается новый метод использования резервов, применяемый ими и впоследствии: резервы не держатся для того, чтобы потом усилить ими удар впереди наступающих частей, а находятся в виде уступов на флангах для создания новых боевых участков против фланга неприятельского расположения. С русской стороны, ведущей оборонительный бой, также выявилось стремление использовать резервы выдвижением их из-за фланга, но только у русских техника управления боем, умение организовывать взаимодействие отдельных частей были поставлены неудовлетворительно, и состязание закончилось в пользу японцев.

Неудача под Вафангоу тяжело отозвалась на всем театре военных действий. Если тюренченский неуспех еще можно было объяснить превосходством сил противника, то под Вафангоу большого численного превосходства на стороне японцев не было. *В результате японцы стали еще более дерзкими, а русские в дальнейшем начали преувеличивать силы врага, боязливо относиться к его обходам.* Вопрос о выручке Порт-Артура был отложен впредь до решительной победы в поле. Раздельная группировка наступающих японских армий, грозившая охватом русской армии, естественно приковавшей себя к железной дороге, на всем дальнейшем протяжении до Ляояна обеспечила японцам выгодные условия для ведения операций.

К середине июля Манчжурская армия усилилась, и *превосходство сил перешло на сторону русских.* Японское командование постепенно продвигало свои армии вперед, рассчитывая созданный ими оперативный охват врага на театре войны завершить охватом его на поле сражения. Русское командование предполагало развить активные действия то против армии Оку, то против армии Куроки. В действительности эти намерения не были серьезны, и еще более несерьезны были попытки к их осуществлению. В июле и августе на путях к Ляо-

яну происходили крупные бои, как вдоль Восточно-Китайской железной дороги, так и на Фынхуанченском направлении; к началу сентября Восточная и Южная группы русской армии стянулись к Ляояну.

Во всех боях, предшествовавших сосредоточению у Ляояна, действия русской стороны имели вид борьбы за позиции, с предположением, что эти позиции должны быть удержаны временно, что главное сопротивление будет оказано где-то позади. В этом отношении мысли направлялись к Ляояну, уже давно укрепляемому и подготовляемому для главного сражения. В это время вопросу необходимости укрепления позиции начинают придавать все больше и больше внимания, и развиваются даже некоторые наклонности к позиционной борьбе, а одновременно в войсках падает стремление к активным маневренным действиям. Артиллерия переходит на стрельбу с закрытых позиций и даже начинает излишне увлекаться закрытостью этих позиций, — становится далеко от пехотного фронта и тем самым ослабляет поддержку пехоты артиллерийским огнем.

Ляоян в предположениях Куропаткина являлся пунктом, в районе которого он намеревался дать решительное сражение. Сражение под Ляояном (см. схему № 2), начатое 30 августа, закончилось 3 сентября, т. е. растянулось на пять дней. Разыгралось оно по обоим берегам реки Тайцзыхэ, на местности протяжением по фронту и в глубину около 30 километров. Русская армия к этому времени располагала силой в 210 батальонов, 150 эскадронов (170 тыс.) и 644 орудия, но для сражения было сосредоточено 183 батальона, 90 эскадронов и 592 орудия. В японской армии — 115 батальонов, 33 эскадрона (130 тыс.) и 484 орудия, из которых на поле сражения были притянуты 109 батальонов, 32 эскадрона и 452 орудия.

К 30 августа русские на южном берегу реки Тайцзыхэ тремя корпусами (1-й Сибирский, 3-й Сибирский и 10-й армейский) занимали фронт протяжением в 25 километров на так называемых передовых Ляоянских позициях: 1-й Сибирский корпус — в полосе Восточно-Китайской железной дороги, 3-й Сибирский кор-

пус — западнее дороги Ляоян—Ляндянсан и 10-й корпус — восточнее его до реки Тайцзыхэ; на северном берегу этой реки, примерно до Сыквантуня, располагался 17-й корпус. Общий резерв составляли: 2-й и 4-й Сибирские корпуса — на южном берегу реки Тайцзыхэ у Ляояна, часть 5-го Сибирского корпуса — восточнее Ляояна на правом берегу реки, одна бригада того же корпуса (ген. Орлова) — у станции Шахэ, и к Мукдену приближалась голова 1-го армейского корпуса, которая могла высадиться уже в течение самого сражения. Отряды, охраняющие фланги, занимали район между реками Ляохэ и Тайцзыхэ (на правом фланге) и у Бенсиху (на левом фланге). Относительно противника предполагали, что он главными силами направляется к стороне левого фланга русского расположения.

План японского командования при атаке русского расположения у Ляояна сводился к следующему: 1-я армия Куроки, сковав частью сил расположение русских в полосе дороги Ляоян—Ляндянсан, большею частью сил должна форсировать реку Тайцзыхэ и охватить русское расположение, угрожая отрезать русские войска от железной дороги; 4-я и 2-я японские армии направлялись по обе стороны Восточно-Китайской железной дороги, главным образом на расположение 1-го Сибирского корпуса и правого фланга 3-го Сибирского.

В общей группировке японских сил при этом наступлении отмечается полное отсутствие резервов, не получивших еще определенной боевой задачи; роль резервов играла часть армии Куроки, направлявшейся для форсирования Тайцзыхэ, для действия во фланг русским, а также левофланговая дивизия 2-й армии, выдвигавшаяся для охвата правого русского крыла. Японский план как-будто базировался на предположении, что русские не будут упорно оборонять занятые ими южнее Ляояна позиции и что нажимом на широком фронте можно заставить их отходить. Во всяком случае, японцы не рассчитывали, что русские будут упорно держаться на передовых Ляоянских позициях, предполагая, что противник, по обычаю предшествующих боев, отступит на главные позиции.

Атака японцев 30 и 31 августа на расположение 1-го и 3-го Сибирских корпусов и на части 2-го Сибирского корпуса, введенные в процессе боя в промежуток между 1-м и 3-м корпусами, не имела успеха. Японцы были отбиты с потерями около 12 тыс. чел., при общих потерях русских в 6½ тысяч.

В ночь на 31 августа началась переправа армии Куроки через Тайцзыхэ у Лентована. Возможность направления крупных сил японской армии через Тайцзыхэ в обход русского расположения генералом Куропаткиным предусматривалась, он еще утром 31 августа отдал командирам корпусов условную диспозицию об очищении передовых Ляоянских позиций на случай, если неприятель в значительных силах переправится через Тайцзыхэ. Получив около полудня 31 августа сведения о переправе Куроки, Куропаткин приказал привести в исполнение отданную условно диспозицию. И вот, несмотря на блестящий отпор, который дали русские войска южнее Ляояна неприятельскому наступлению, они отводятся назад для парирования удара, угрожающего левому флангу всего расположения. В результате в ночь на 1 сентября бывшие в резерве 4-й и 2-й Сибирские корпуса заняли так называемую главную позицию непосредственно у Ляояна, а 1-й, 3-й и 10-й корпуса и конница были сосредоточены на правом берегу реки Тайцзыхэ.

Попытка частей 10-го корпуса, чувствовавшего, что перед ним остались лишь слабые заслоны армии Куроки, перейти в наступление, что могло бы поставить армию Куроки в целом в тяжелое положение, была приостановлена Куропаткиным. Его план сводился к следующему: удерживая главные Ляоянские позиции, развернуть сильную группу на фронте Сыквантунь—копи Янтай и, приняв за ось Сыквантунскую позицию, произвести захождение армии левым плечом вперед, дабы взять во фланг переправившиеся японские силы и прижать их к Тайцзыхэ. Было намечено: 1 сентября корпусам собираться, 2-го — сближаться и 3-го — атаковать.

Этот план не удалось осуществить: нехватило силы воли у командования и боевой устойчивости у войск,

воспитанных на муштре и палочной дисциплине и не понимавших целей чуждой им войны. 2 сентября, когда войска, накануне собиравшиеся, стали сближаться, произошли две частные неудачи для русских. Одна была связана с поражением отряда ген. Орлова, направленного через район западнее Янтайских каменноугольных копей против правого фланга армии Куроки. Неудачная организация наступления этого отряда при плохой боевой подготовке входивших в состав отряда резервных частей привела к катастрофическому его отступлению с потерей около 1 500 чел., при потерях японцев в этом столкновении всего лишь в 180 чел. Вторая неудача—неуспешность русских атак на захваченный японцами район у деревни Сыквантунь, как раз намеченный служить осью захождения ударной группировки армии.

Эти неудачи, в связи с донесением командиров корпусов об утомлении войск, привели Куропаткина к решению «отступать к Мукдену и далее». Положение армии Куроки к моменту русского отступления было нелегкое, она измоталась и изнемогала, и стоял вопрос даже об отходе. Русские предупредили их в этом. В общем сражение под Ляояном, задуманное русскими как решительное, не было доведено ими до конца, несмотря на благоприятное в общем соотношение сил для русской стороны.

Японские войска были настолько расстроены и утомлены ляоянской операцией, что преследование организовано не было. Трудность преследования в условиях новой техники, приводящей к изнурительным и продолжительным боям, начинает отмечаться как характерная черта военного искусства в это время. Потери за Ляоянское сражение: русские — 16 тыс., японцы — 23 тыс., потери русской пехоты в среднем—13 процентов, японской — 28 процентов.

Отход русской армии в общем прошел благополучно; 6 сентября русские войска отошли к Мукдену и развернулись здесь вдоль реки Хуньхэ. К октябрю русская армия усилилась до 270 тыс., японская—до 170 тыс. В первых числах октября русская армия перешла к активным действиям, перейдя в наступление двумя груп-

пами — Западным отрядом в полосе Восточно-Китайской железной дороги и Восточным отрядом, направленным километров на тридцать к востоку от этой железной дороги. Между обоими отрядами был промежуток в 12 километров, за которым располагался общий резерв в составе двух корпусов. Японцы сначала действовали выжидательно, удерживая русское наступление, а потом сами перешли в контрнаступление. В процессе боев группа общего русского резерва была использована в промежутке между двумя основными группами — Западным и Восточным отрядами.

Это сражение получило название сражения на реке Шахэ; оно имело характер встречной операции, представлявшей ряд упорных боев на фронте в 60 километров в продолжение девяти дней — с 9 по 17 октября. По ширине фронта и по времени оно выявляет новый шаг в развитии военного искусства по сравнению с XIX веком.

Наступательные действия русских в этой операции не имели стремительного характера; все же активность русской стороны в значительной степени сковывала противника, мешая ему проводить свои планы.

Целый ряд крупных боевых эпизодов Шахэйского сражения показал, что представление о неуязвимости для атаки фронта пехотного расположения, созданное под впечатлением англо-бурской войны, *является заблуждением,* что сила современного огня не только усиливает фронт обороны, но при умелом использовании огня и согласованности в действиях артиллерии и пехоты дает не меньшие силы и атакующему; отдельные бои этого сражения показали, что *фронтальные действия могут иметь решительный характер и что удары пехоты при поддержке сильного артиллерийского огня или при пользовании ночной темнотой продолжают сохранять свое значение.* Мощная работа артиллерии постепенно определяет пехоту как род войск, предназначенный для ближнего боя, с переложением огня на дальние дистанции исключительно на артиллерию. Пулеметы, которых как в русской армии, так и в японской было в общем мало (у русских в сентябре — всего лишь

32 пулемета, у японцев — раз в пять больше), нашли свое применение как добавочные огневые силы пехоты.

Сражение на реке Шахэ стоило русским 40 тыс. убитыми и ранеными, японцам — 30 тыс. Оно не имело решительного характера; во всяком случае русские не выполнили своей задачи, намеченной ими при наступлении — отбросить японцев за реку Тайцзыхэ, и к концу сражения заняли позиции по реке Шахэ. Обе стороны, измотанные предшествующими боями, не могли развить наступательных действий, и началось позиционное, так называемое Шахэйское сидение на близком друг от друга расстоянии; боевая деятельность ограничивалась лишь работой разведывательных партий. 8—16 января 1905 г. русское командование организует набег конного отряда против тылов противника на Инкоу; организация и работа этого отряда были весьма неудачны и не привели к положительным результатам.

2 января капитулировал Порт-Артур, и японцы могли освободившуюся от осады армию Ноги перебрасывать для усиления своей полевой армии. Вот почему русское командование в январе 1905 г. приступает к активным действиям, имея целью нанести поражение находящимся против них японцам, прежде чем к ним подойдут подкрепления из Артура. Январское наступление русской армии (Сандепу), плохо организованное, веденное с малой энергией, оканчивается неудачей; во второй половине февраля завязывается крупное Мукденское сражение. Это сражение растянулось на три недели и к 7 марта закончилось катастрофическим отходом русской армии сначала за реку Фаньхэ, а потом на так называемые Сыпингайские позиции. Ко времени Мукденского сражения русская армия достигала численности в 330 тыс. бойцов, около 1 300 орудий и 56 пулеметов, а армия японцев — 285 тыс. чел., около 1 000 орудий и 200 пулеметов. Эти силы были применены на фронте протяжением около 150 километров.

В Мукденском сражении японцы, угрожая левому флангу русского расположения и связывая русские части на фронте энергичными действиями, поддержан-

ными артиллерией крупных калибров, стремились развить свой главный удар в охват и обход правого фланга русских. Работа русского командования сосредоточилась преимущественно на парировании японского охвата и обхода, для чего к стороне правого русского фланга, в процессе самого сражения, перебрасывались силы с отдельных участков фронта и образовывались случайно организованные оперативные соединения, общее руководство которыми русскому командованию наладить не удалось.

На Сыпингайских позициях русская армия, приведенная в порядок после Мукденской катастрофы и усиленная новыми подкреплениями, простояла до конца войны. Японцы не решались атаковать ее расположение, новый русский главнокомандующий Линевич также не нашел в себе достаточно энергии и уверенности, чтобы решительно атаковать врага. 27 мая у Цусимы высланная из Балтийского моря на Дальний Восток русская эскадра Рождественского была разгромлена японским флотом. Этим собственно закончились боевые действия: в начале августа начались мирные переговоры в Портсмуте.

★

Новая техника — магазинное ружье, пулемет. скорострельная артиллерия. телефоны как средство связи— подверглась во время русско-японской войны серьезному испытанию. и по полученному опыту можно было наметить новые вехи в области тактики. Война эта очень внимательно изучалась всеми государствами, и в общем к началу мировой войны все армии, в том числе и царская, успели сделать из нее соответствующие выводы. Уставы всех армий после русско-японской войны дали те тактические формы и приемы боя, которые соответствовали применению новой техники. Если некоторые армии, а в том числе и русская, в первый период войны не могли наладить свою боевую работу соответственно оружию, с которым пришлось выступить на поле боя,то это надо объяснить не непригодностью

тактических форм, выведенных из опыта русско-японской войны, а *недостаточным обучением командного состава и войск тем приемам и методам, которые были намечены и определены уставами до мировой войны и причинами политического и экономического порядка.*

Много хуже обстояло дело с изучением образа ведения войны в целом, т. е. стороны стратегической и оперативной. Осторожные и оборонительные действия Куропаткина рассматривались *без должного учета тех условий, в которых приходилось вести операцию,* как в отношении характера коммуникации русской армии, так и в отношении постепенного ее накапливания; продолжительное сидение обеих армий с октября 1904 по февраль 1905 года на Шахэйских позициях обсуждалось также без достаточного анализа тех факторов, которые привели к этому позиционному методу борьбы; позиционный характер Шахэйского сидения объясняли исключительно малой энергией и пассивностью командования. *Активность во что бы то ни стало, наступление, несмотря ни на что, полное отрицание позиционных форм войны — таковы были взгляды большинства европейских армий на характер будущей войны на основе опыта борьбы в Манчжурии.*

ГЛАВА III

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Политические группировки держав предвоенного периода и военные союзы. Техника подготовки войны; численность и вооружение армий к началу войны 1914—18 гг.; военные сообщения. Вопрос соотношения сил. Прогноз генеральных штабов о скоротечности войны и его крушение. Краткий очерк хода событий и отдельных этапов борьбы. Развитие военной техники в 1914—18 гг. и его влияние на военное искусство. Пехотное оружие, артиллерия, броневые войска, химические средства, авиация; роль конницы; связь и инженерное дело; проблема огнеприпасов. Взаимодействие тыла и фронта в условиях современной войны.

Политические группировки важнейших капиталистических держав, столкнувшихся в 1914 г., окончательно уточнились в начале XX века, за несколько лет до войны. Знаменитая «антанта», иначе «тройственное согласие» в составе Англии, России и Франции, возникла в этом троечном составе между 1904—07 гг.; противник антанты «тройственный союз» — включавший Германию, Австро-Венгрию и Италию — имел еще бо́льшую давность. Впрочем, Италия не выступила со своими союзниками в 1914 г., но через год приняла участие в войне на стороне антанты, что, кстати сказать, не

было особенной неожиданностью для Германии. генеральный штаб которой еще задолго до войны исключал Италию из расчета своих сил в грядущей войне.

Естественно, что политическая договоренность союзников породила и военную договоренность, правда, различную как по существу, так и по своему оформлению. *Наибольшая договоренность* и по существу и по форме (военная конвенция 1892 г.. внимательно освежаемая) существовала между *Францией и зависимой от нее в финансовом отношении Россией;* в сильной зависимости, хотя формально не обусловленной прочными военными договорами, была Австро-Венгрия от более сильной Германии. Некоторая договоренность существовала и между Францией и Англией, но большая их самостоятельность в экономическом и финансовом отношении обусловила и меньшую формальную и фактическую военную согласованность между ними.

Таким образом, империалистическая война началась как война коалиций, в состав которой вошли главным образом на стороне антанты другие государства, в том числе в 1917 г. Северо-Американские Соединенные штаты. История войн не раз подчеркивала трудность налаживания согласованной работы отдельных частей. входящих в ту или другую коалицию. Война 1914—18 гг. лишний раз подчеркнула эту трудность. Телеграф, радио — эти могучие средства связи XX века — не могли улучшить положения, так как дело было не в средствах связи, а в тех противоречиях экономического и политического порядка, которые характерны для взаимоотношений капиталистических государств вообще, а для государств эпохи империализма в особенности. Таких противоречий между отдельными государствами каждой коалиции. особенно в антанте, было не меньше. чем между обеими коалициями в целом. Более согласованной, «дружной» работой отличалась группа центральных держав. где ведущую роль могла занимать более сильная Германия, особенно после того. как Австро-Венгрия в начальный период войны потерпела значительное поражение в борьбе с русской армией.

★

Об общем характере подготовки к неизбежной крупной войне капиталистических государств мы уже говорили в 1-й главе, отметив, что государства шли по пути стремительного соревнования по линии роста численности своих вооруженных сил, развития железнодорожного транспорта, необходимого для переброски сил на театр войны, развития и насыщения техникой своих армий. Мы подчеркивали также, что господствовавший взгляд на будущую войну определял ее как войну скоротечную, в виду чего подготовка к ней сосредоточивалась главным образом в руках военного ведомства.

Отметим теперь лишь степень развития этих вопросов к моменту начала войны.

Начнем с так называемого «*вооруженного народа*». То опасливое отношение к привлечению широких масс населения для войны, которое так характерно в наши дни для господствующих классов капиталистических государств, не было чуждо и периоду подготовки к войне 1914—18 гг., хотя классовые противоречия внутри их не были еще так заострены, как теперь. Даже *германская военная система*, опиравшаяся на большое, по сравнению с другими государствами, «общественное спокойствие» и смелее других шедшая по пути «вооруженного народа», *оставила 30 процентов годного к военной службе населения без военной выучки*; кроме того, Германия не могла за отсутствием необходимых кадровых организаций, использовать при первой мобилизации до 600 тыс. военно-обученных; пришлось новые формирования спешно производить уже в первые месяцы войны.

Франция по характеру внутренних классовых взаимоотношений еще в меньшей степени, чем Германия, была обеспечена благополучием для развития «вооруженного народа». Лишь в период 1897—1907 гг. Франция перешла на двухлетний срок службы и обратила за эти годы внимание на подготовку резервных дивизий. В 1907 г., благодаря обострению внутриполитического положения, она вновь делает шаг назад, усилив внимание только на качестве перволинейных войск; резервные части сокращались под предлогом увеличения ар-

тиллерии и большей технической насыщенности войск перволинейных; мирный состав последних, благодаря переходу от двухлетней к трехлетней службе, повышался. В результате в августе 1914 г., при отражении германского натиска, Франция в слабой степени использовала те четырнадцать возрастов военнообязанных и обученных, которые по закону находились в распоряжении военного ведомства; только в дальнейшем развитии войны взгляд на «резервы» изменился в сторону широкого их использования.

Россия за период 1903—14 гг. увеличила численность армии мирного времени очень не на много (до 1 230 тыс. солдат), хотя за этот период военный бюджет увеличился на 66 процентов. Стремление командования было направлено на улучшение качественной стороны армии; последняя имела в своем составе скрытые кадры только для тридцати пяти второочередных дивизий. При мобилизации численность армии, без запасных частей, должна была достигнуть 3 300 тыс., т. е. увеличиться по сравнению с мирным составом на 168 процентов. Перед войной была намечена *«большая военная программа», которая к 1916 г. должна была армию мирного времени увеличить на 39 процентов*; мотивировалось такое увеличение тем, что участь современной войны определяется якобы результатом первых столкновений, успех которых зависит от качества перволинейных войск. Такая установка была принята, конечно, не без давления Франции, заинтересованной в быстрой готовности русской армии к начальному моменту войны. Расширение рамок системы «вооруженного народа» уже в процессе затяжной войны привело к наполнению армии массами, не подготовленными ни в военном ни тем более в политическом отношении, что при общем кризисе страны обусловило и более раннее, чем в других государствах крушение самой системы «вооруженного народа» как военной опоры господствующих классов.

Перейдем к вопросу военных сообщений. В общем развитии железнодорожной сети представляется интересным отметить два момента. Германия при развертывании своей армии против Франции должна была счи-

таться с такими препятствиями на пути наступления в глубь Франции, как сильно оборонительный фронт, созданный французами после войны 1870—71 гг., в виде системы крепостей на участке от Вердена до швейцарской границы (см. схему № 3). Чтобы обойти этот фронт, наметили движение крупных сил севернее его — через великое герцогство Люксембург и Бельгию; для обеспечения сосредоточения войск в этом направлении и развертывается за последние двадцать лет перед войной соответствующее железнодорожное строительство. Россия также расходовала много денег на постройку железных дорог (например, линия Бологое—Седлец), дающих возможность быстро собрать войска против Германии и именно против последней, как вынуждала к тому Франция, «опекавшая» Россию в финансовом отношении. Сама железнодорожная сеть и техника перевозок стояли к началу войны на такой высокой степени развития, что без особых затруднений позволили быстро выполнить перевозки массовой армии на театр войны по планам, разработанным в мирное время; более того: дороги относительно легко справлялись и с дополнительными, сверх плана, перевозками. Достижения по сравнению с XIX веком в этом отношении были колоссальны.

Дабы полнее характеризовать мощность использования железнодорожного транспорта в процессе войны, забежим несколько вперед и дадим следующую иллюстрацию. В последнем периоде войны, в 1918 г., за время от начавшегося наступления немцев против англо-французов 21 марта и вплоть до перемирия, заключенного 11 ноября, т. е. за 236 дней, фронт антанты получил 17 000 поездов, высадивших резервы (максимум по 198 поездов в сутки) и 50 000 поездов по снабжению (максимум по 424 поезда в сутки); в критические моменты перегруппировок напряжение работы железнодорожной сети было даже больше, чем в начальный период развертывания миллионных армий. Отсюда ясно, почему с этой войной связано новое понятие в развитии военного искусства — маневр на рельсах, железнодорожный маневр. Размер книги не позволяет коснуться

вопроса о степени изнашивания железнодорожного транспорта и о неизбежности этого явления. Впрочем, этот вопрос не требует излишних пояснений; скажем лишь, что разруха транспорта была одним из условий, определивших в значительной мере крушение военной силы царской России.

Дополнением к железнодорожному транспорту явился *автомобиль*, который в русско-японскую войну совершенно отсутствовал, хотя в 1904 г. производство автомобилей достигло в Западной Европе 33 тыс., в Америке — 6½ тыс. штук в год. Автомобильная промышленность за десятилетие перед войной развивалась быстрым темпом, и цифры производства автомобилей достигли в 1910 г. в Западной Европе — 144 тыс., а в Америке — 180 тыс. В 1908 г. приступает к производству автомобилей и Россия, но с чрезвычайно слабой продукцией: в 1908 г. — 10, в 1910 г. — 33, в 1911 г. — 33, в 1912 г. — 78, в 1913 г. — 100 и в 1914 г. — 140 штук автомобилей. Грузовой автомобиль начал распространяться в армиях с 1908 г. и в период войны значительно повлиял на уменьшение колесного обоза, но только на западно-европейском фронте, где имелась хорошая дорожная сеть. К концу войны французский фронт насчитывал до 100 тыс. автомобилей, позволявших обслуживать не только потребности позиционного фронта, но и перебрасывать оперативные резервы — до 100 тыс. человек в сутки; *автомобили позволили французам сократить число нестроевых солдат в три-четыре раза по сравнению с тылом русской армии, опиравшимся на колесный транспорт.*

Обратимся теперь к последнему из трех рассматриваемых нами вопросов—к технической насыщенности войск к началу мировой войны — к ее *вооружению*. Прежде всего по этому вопросу необходимо сделать такое общее замечание: *армии не только не использовали, но даже не предвидели возможных размеров — и качественных и количественных — использования общей техники и ее производственных возможностей.* Нельзя бросать генеральным штабам армий упрека в том, что они не увеличили число пулеметов, орудий и проч. в армии и ее

запасных складах: этому увеличению был предел, обусловливаемый финансовыми возможностями; кроме того, не зачем тратить деньги на массовое изготовление боевых средств, которые через короткое время могут оказаться уже устаревшими. Но генеральные штабы виновны в том, что *не учли возможности количественного и качественного усиления боевых средств в процессе самой войны* и не позаботились о мероприятиях, которые еще в мирное время могли бы подготовить общее производство, общую технику для усиленной плановой работы во время войны. Объясняется это тем, что предстоящая война мыслилась как война скоротечная, одним ударом разрешающая все вопросы.

Просчет в определении характера грядущей войны сказался здесь не в меньшей степени, чем в определении численности вооруженных сил, *где предвиделись миллионы, а потребовались десятки миллионов*, если считать совокупность вооруженных сил всех государств обеих сторон.

Опыт русско-японской войны был учтен как в отношении вооружения пехоты, так и в отношении артиллерии. Пехота, кроме основного, индивидуального оружия—магазинной винтовки, получила по 6—8 станковых пулеметов на полк; пулеметы получили более легкую запряжку, более удобную для передвижения вместе с пехотой на поле боя. В артиллерии усилили число легких гаубиц и тяжелых полевых гаубиц и пушек. Русская армия получила в состав корпусной артиллерии 122-миллиметровую гаубицу и для армейской артиллерии 106-миллиметровые пушки и 152-миллиметровые гаубицы [1]; правда, число последних было еще невелико — меньше 50 процентов намеченного плана; не успели также изготовить к началу войны заказанные 8-дюймовые гаубицы и 11-дюймовые мортиры. Франция имела главным своим орудием отличную 75-миллиметровую пушку и небольшое количество 155-миллиметровых гаубиц. Германия выступила на войну, имея в составе дивизионной артиллерии 77-миллиметровую пушку

[1] См. примечание на стр. 35.

и 105-миллиметровую гаубицу и, кроме того, тяжелую корпусную и армейскую артиллерию.

Уже опыт русско-турецкой войны 1877—78 гг., ярко подтвержденный опытом англо-бурской и русско-японской войн, подчеркнул *значение артиллерии, могущей поражать войска за закрытиями* и разрушать быстро воздвигаемые укрепления. Поэтому сильно возросли значение (для полевого боя) тяжелой артиллерии и желательность наличия в составе легкой артиллерии гаубиц, т. е. орудий с крутой траекторией. В этом отношении показательны такие цифры: на батальон пехоты имели: Германия — по 4,5 орудия с настильным огнем (пушки) и по 2,17 навесных орудий (гаубиц); Россия — соответственно — 3 и 0,25 орудий. Во Франции была слабо развита гаубичная и тяжелая артиллерия; число тяжелых полевых орудий у французов ограничивалось цифрой 300, что составляло только 8 процентов общего числа их орудий, тогда как у немцев в первой линии имелось 1 350 легких гаубиц, 660 тяжелых гаубиц и 1 400 тяжелых орудий (большей частью тоже гаубиц), — в общем 47 процентов всей артиллерии было способно дать навесный и тяжелый огонь. Такое соотношение в артиллерийских силах нельзя упускать из виду, когда приходится отмечать пассивность французской армии, к которой она перешла после окончания первых маневренных операций 1914 г., — ей надо было перевооружаться, усиливая себя тяжелой артиллерией.

Авиация к началу войны была еще слабо развита; Англия, Германия и Франция имели соответственно 50, 230 и 160 самолетов. Технически самолеты были несовершенны: мощность моторов 70—130 лошадиных сил, потолок (максимальная высота) не больше 2 500 метров, скорость 80—125 километров в час, время подъема на высоту 2 000 метров от 25 минут до 1 часа; вооружения авиация не имела. Свое мощное развитие авиация получила уже в процессе войны.

Закончим характеристику технической насыщенности армии теми исходными цифрами, которые определяли мобилизационный *запас снарядов*. В войнах XIX века средний расход снарядов остался таким же,

каким он был при гладкоствольной артиллерии эпохи Наполеона, и не превышал 200 выстрелов на орудие за всю войну. Скорострельное орудие XX века было более расточительно, и русско-японская война дала 700 снарядов на орудие. Под влиянием этого опыта к мировой войне русская армия установила мобилизационный запас снарядов по 1 500 на орудие, хотя фактически он был доведен лишь до 1 100; Германия располагала около 1 000 снарядов, Франция 1 400 снарядов, и меньше всего Австрия—600 снарядов на орудие. Эти скромные нормы оказались уже в первый месяц войны слишком ничтожными, а между тем военная промышленность даже богатой Франции могла изготовлять в начале войны не свыше 13—14 тыс. снарядов в день.

★

Соотношение сил обеих враждебных коалиций показано в следующей таблице[1]:

	Численность мирного времени	Количество дивизий		Орудий	Численность в военное время
		пех.	кав.		
Германия	761 000	87½	11	8 400	2 147 000
Австро-Венгрия	478 000	49½	11	2 400	1 338 000
Итого.	1 239 000	137	22	10 800	3 485 000
Россия	1 445 000	118	40	7 000	3 262 000
Франция	827 000	80	10	4 600	1 856 000
Англия (экспедиционная армия[1])	150 000	6	2	500	166 000
Бельгия	48 000	6	1	650	175 000
Сербия	51 000	10	1	500	217 000
Итого.	2 521 000	220	54	13 250	5 706 000

[1] Взято из статьи А. Вольпе в журнале „Война и революция" 1930 г., № 1.

В общем, *на стороне антанты — полуторное превосходство сил, беря их арифметически. Ее противник в лице германской армии имел лучшую подготовку в оперативном и тактическом отношении.*

С мобилизацией этих сил, т. е. с переходом их с мирного положения на военное, а также с техникой перевозок и развертывания их на театре войны, обе стороны справились вполне удовлетворительно. Техника этого дела была хорошо разработана на основе опыта 1870—71 гг. и русско-японской войны. Германское развертывание закончилось на 14-й день войны, обогнав французское развертывание на 2—3 дня. Обширность страны и более слабая ж.-д. сеть России затянули ее развертывание на более длительное время — корпуса Европейской России закончили сосредоточение к 30-му дню, большинство второочередных дивизий — к 40-му дню и корпус с далеких окраин — к 60-му дню.

Первые боевые действия, несмотря на силу наносимых ударов, не в состоянии были решить исхода войны и могли лишь повлиять на ход развития кампании в дальнейшем. Война потребовала новых сил и средств, и это повело к последующим мобилизациям и ряду новых развертываний в процессе длительной войны. Последующие призывы запасных и молодых подрастающих возрастов отчасти шли для новых формирований, а главным образом для пополнения громадной убыли в действующей армии. Массовость поражения той техники, с которой выступили на войну, а еще больше той, что развивалась в процессе войны, сделала свое дело—число убитых и умерших от ран исчисляется миллионами и десятками миллионов — число раненых; велико было и число пленных и пропавших без вести.

Именно вследствие потерь численность действующих армий лишь незначительно повысилась к концу войны, за исключением Англии, потом Америки, развернувших свои силы уже во время войны и боевых действий. Усиление боевой мощи шло по линии дальнейшего насыщения их техникой.

Чтобы иметь конкретное представление о численности, потерях и распределении сил между фронтом и

тылом русской армии, приводим следующие данные ее ставки к 1 сентября 1917 г.[1]

Взято у населения за время войны 15 798 тыс. человек, из коих в армии состояло в день мобилизации (1914 г.) 1 423 тысяч человек; по 1 мая 1917 г. мобилизовано 14 375 тыс. чел. Расход составлял (в тысячах):

А. Боевые потери:	
убитых, не считая без вести пропавших. . . .	775,4
тяжело раненых и уволенных со службы . . .	348,5
взятых в плен и без вести пропавших.	3 343,9
Итого	4 467,8
Б. Санитарные потери:	
эвакуированных во внутренние округа:	
больных	1 425,0
раненых	2 844,5
Итого.	4 269,5
Всего расход	8 737,3
Остаток на 1 сентября 1917 г.:	
В действующей армии:	
в строевых частях	4 783,9
в запасных частях фронта	400,5
в частях, управл. и учреждениях фронта . . .	789,3
Итого.	5 973,7
В округах	1 087,0
Всего в армии.	7 060,7

Ставка генеральных штабов на скоротечность войны оказалась битой уже в первые месяцы войны, когда быстро иссякли запасы боевых средств, заготовленные в мирное время, а армии враждующих сторон выстроились друг против друга в виде двух укрепленных линий; частные победы и поражения не решали дела. Оказалось. что недостаточно разбить вооруженную силу врага, выставленную им на фронте, надо надломить все силы, которые из глубины государства питают вооруженный фронт. Без этого армия врага делалась как бы

[1] Взято из статьи С. Будкевич „Война", XII т. Б. С. Э.

неуязвимой и после, казалось бы, решительных поражений, которые ей наносили, через некоторое время устраивалась, накопляла силы и вновь оказывала сопротивление. Даже при слабо развитой русской технике и при общей слабой организованности, с которой Россия вела борьбу, русская армия, весной и летом 1915 г. понесшая тяжелые поражения и отступившая из Польши с большими потерями, к весне 1916 г. была в состоянии нанести мощный удар во время так называемого брусиловского наступления на Юго-Западном фронте.

Глубина противоречий между целями и интересами двух враждебных коалиций определила напряженность империалистической войны; борющиеся стороны не имели в виду прекратить борьбу раньше, чем не используют всех сил и средств, имевшихся в их распоряжении. Борьба вылилась в форму не только вооруженного столкновения, но имела задачей надломить мощь всей страны противника в целом, лишив неприятеля материальных и моральных возможностей к продолжению войны.

Такая борьба, необычайно напрягая усилия тыла для питания фронта, требовала согласования действий на фронте с возможностями в тылу. Чрезмерная активность фронта, без учета сил и средств, имеющихся в тылу страны, в конечном счете, несмотря на частичные успехи, уменьшала шансы на успешное окончание войны. В этом отношении можно отметить, как выдающуюся с отрицательной стороны, линию поведения русской стратегии. Россия по своему промышленному развитию и по своей технике значительно уступала другим крупным государствам — участникам войны, в том числе и своим главным союзникам — Франции и Англии; между тем экономическая и финансовая зависимость ее от союзников, а также заблуждение командования в понимании характера войны, толкали русский фронт на ряд активнейших действий на всем протяжении войны, не соответствовавших материальным и техническим возможностям глубокого тыла.

★

Прежде чем говорить о развитии техники в процессе войны и о том влиянии, которое она оказала на военное искусство, отметим хотя бы в общих чертах ход событий войны, без чего невозможно уловить общий ее характер и отдать себе отчет в том месте, которое Россия занимала в процессе этой борьбы.

Главная масса вооруженных сил сторон была использована в Европе. где с самого начала войны образовались *три фронта борьбы*.

Первый фронт — западно-европейский, где германская армия боролась с французской, бельгийской и английской армиями; в дальнейшем здесь оказались португальские, русские и в небольшом числе итальянские войска, а к последнему году войны здесь появилась большая американская армия.

Второй — восточно-европейских фронт был образован германской и австрийской армиями против русской армии, получившей в 1916 г. соседей в виде румынской армии, с дополнительным образованием румынского фронта.

Третий фронт был балканский, на котором сначала друг против друга были только две армии—сербская с незначительными черногорскими силами и австрийская армия; затем на стороне австрийцев здесь появляются германские части, болгарская и турецкая армии, а со стороны антанты образуется Салоники-македонский фронт из английских. французских, итальянских. сербских и частично русских войск, имевших против себя турецкие, болгарские, австрийские и германские войска. К балканскому театру можно отнести и неудачную Дарданельскую операцию англо-французов с марта 1915 г. по январь 1916 г. В 1915 г. образуется итальянский фронт, где сначала противостояли друг другу итальянская и австрийская армии, а в последующем появляются для выручки германские и французские части.

В процессе развития войны упорная борьба завязалась в Азии. где образовались фронты кавказский, месопотамский и палестино-сирийский. Не остались обездоленными в отношении боевых действий и острова Тихого океана, где находились германские колонии, а осо-

бенно оживленный колониальный фронт был в Африке— в Того, Камеруне, Юго-Западной и Восточной Африке.

Война на море привела к ряду сражений: в 1914 г. Гельголанд — бой 26 августа. Коронель — бой 1 сентября, Фалькланд — бой 7 декабря, в 1915 г. Дагербанка — бой 25 января, Готланд — бой между русскими и германскими крейсерами в июле 1915 г.; в 1916 г. Ютландский бой — 31 мая; в 1918 г. — операции у Остенде и Зеебрюгге. Центр тяжести морских действий и их влияния на ход войны определялся главным образом подводной войной. За десять месяцев 1917 г. германскими подводными лодками пущено ко дну 9 125 000 тонн. за один июнь 1917 г. потоплено больше миллиона тонн. за девять месяцев следующего 1918 г. потоплено 5 200 000 тонн. Несмотря на такие большие результаты, война под водой не привела к желанной цели — блокаде Англии и подрыву материальной силы последней; противник организовал противодействие, и постепенно в 1918 г. потери в тоннаже антанты начинают значительно уменьшаться.

В своем кратком описании хода войны мы дадим лишь общий очерк событий в Европе.

Германский план войны намечал сначала сокрушительный удар по Франции, а затем, после разгрома последней, действия против России; на первое время против русских оставлялись незначительные силы с целью прикрыть ценную для Германии Восточную Пруссию и отчасти для помощи австрийцам. Самое наступление против Франции было намечено и фактически производилось главной группировкой северней Вердена, через великое герцогство Люксембург и Бельгию, чтобы своим правым крылом охватить французское расположение и в дальнейшем оттеснить французскую армию на юго-восток, к швейцарской границе.

Французы расположили свои четыре армии на фронте от швейцарской границы до бельгийского Люксембурга, имея одну армию в глубине своего фронта. Французы также имели в виду наступательные действия, но их группировка имела скорее выжидательный характер, чтобы принять активные действия в зависимости

от выяснения обстановки. Английские войска собирались к стороне левого французского фланга, на путях в Бельгию. Бельгийской армии пришлось в одиночестве на своей территории принять на себя первый германский натиск.

Россия раздваивала свое внимание на два направления — против Австрии, куда ее тянули стремления к захвату Галиции, и против Германии, куда заставляла направлять крупные силы Франция — главный русский кредитор. Имелось два варианта плана войны — литера А и Г: первый исходил из наиболее возможного предположения, что германцы сначала бросятся на Францию, и в этом случае главнейшая группировка русских направлялась на Австрию; второй вариант — на случай первого натиска германцев не на Францию, а на Россию, и в этом случае главные усилия русских должны были направляться против Германии. Выбор того или другого варианта определялся в начале войны, по получении сведений о германских перевозках — производятся ли они на запад или на восток. Поэтому часть корпусов, направляясь на театр военных действий, не могли знать, в какой из двух районов они попадут; этот вопрос решался в пути; состояние железнодорожной сети и необходимые расчеты вполне обеспечивали возможность изменения их направления в нужную сторону.

Австро-Венгрия, оставив часть сил против Сербии, собирала свои главные силы от румынской границы до Вислы с целью вести главный удар между Западным Бугом и Вислой, прикрываясь со стороны Киева.

В августе 1914 г. армии правого германского крыла проходят через Бельгию к северной границе Франции. Бельгийская армия после неудачных боев укрывается под защиту крепости Антверпена; германцы овладевают крепостями Льеж и Намюр. Одновременно развиваются боевые действия в Эльзас-Лотарингии, где наступательные попытки французов не приводят к положительным результатам. 21—25 августа на всем фронте к северо-западу от Вердена до Мобежа происходит крупное сражение между германцами и англо-французами, извест-

ное в истории под названием «пограничного сражения». Ко времени этого сражения французы стремятся перегруппировать свои силы, чтобы встретить германское наступление через Бельгию и, в свою очередь, ударом из района северо-западнее Вердена в общем направлении на великое герцогство Люксембург и бельгийский Люксембург пытаются угрожать левому флангу наступающей через Бельгию немецкой ударной группировки.

Успешный для немцев исход пограничного сражения привел их в дальнейшем к продвижению почти к стенам Парижа. Однако в марнском (на реке Марне) сражении 6—9 сентября англо-французы не только остановили движение немцев, но и заставили их отойти к реке Эн, на рубеже которой 10—15 сентября происходит крупное сражение, в результате которого немцы сохранили свое положение на этой реке. В дальнейшем обе стороны пытаются развить активные действия на свободном пространстве, сохранившемся еще между западным флангом фронта и морем. Эти операции, имевшие целью охватить или, как говорят, «выиграть» фланг врага, получили название «Бега к морю», затянулись от середины сентября до 15 октября. К этому времени боевые действия на остальном участке до швейцарской границы затихают, и там создается позиционный фронт. К 9 октября немцы овладевают Антверпеном, а бельгийская армия уходит в тяжелых условиях на присоединение к левому флангу англо-французского фронта.

К середине октября обе стороны дотягиваются флангом до моря; ни той ни другой из них не удалось выиграть фланг противника, а для решительных действий с фронта сил оказывается недостаточно, и линия прочных укрепленных позиций распространяется на весь западно-европейский фронт от швейцарской границы до моря.

В последней трети октября и в первой половине ноября немцы, подбросив подкрепления из вновь сформированных частей, преимущественно из добровольческой молодежи, делают попытку возобновить удар на англо-французском фронте (сражение во Фландрии), но не имеют серьезного успеха. В это время действия рус-

ской армии заставляют германское командование заняться своим восточным фронтом и с ноября 1914 г. до 1916 г. на западно-европейском фронте борьбы обе стороны не предпринимают решительных действий, ограничиваясь усовершенствованием своего расположения и накоплением технических сил. Некоторая активность, проявленная в 1915 г. (преимущественно в Шампаньской операции в конце сентября — начале октября 1915 г.), не может изменить этой общей картины позиционного сидения. Франция и Англия за это время усиленно развертывают свою промышленность для удовлетворения потребностей вооруженного фронта.

На восточно-европейском фронте русские, развернув две армии для операции в Восточной Пруссии, главную группировку направили для действия против Австрии на фронте от Люблина до румынской границы. В августе-сентябре восточно-прусские операции, первая из которых началась успешным для русских сражением у Гумбинена, закончились катастрофой и отходом русских армий к Неману и Нареву. Операции против австрийцев, известные под названием галицийской битвы в августе—сентябре 1914 г., привели к успешному для русских результату, — австрийцы были отброшены за Сан, и русскими был занят Львов. В сентябре значительная часть русской армии перегруппировывается с реки Сана на Вислу и здесь, усиленная подошедшими покреплениями из Сибири, в Ивангород—Варшавской операции временно останавливает наступление германских войск, организованное последними для поддержки австрийцев. Немцы отбрасываются назад, и в ноябре русская армия готовится развить свое наступление в пределы Германии; но германцы контрударом со стороны Торна предупреждают русское наступление, — завязывается сражение под Лодзью, и к зиме обе стороны закрепляются на подступах к Варшаве.

Уже в начальный период кампании 1914 г. в русской армии начинает сказываться недостаток в артиллерийских снарядах и намечается кризис снабжения русской армии винтовками. Общие перспективы материального снабжения оружием и огнеприпасами на ближайшее

время были весьма плачевны, но, несмотря на это, русское командование делает следующий скачок по активному напряжению фронта, — зимой 1914—15 г. оно продолжает развивать активные действия в Карпатах, истощая свою армию.

Весной 1915 г. германцы, за счет ослабления своих сил на французском фронте, набрасываются на русскую армию — прорыв Макензена на реке Дунайце — и развивают затем свое наступление почти на всех важнейших направлениях русского фронта, что заставляет русскую армию к осени 1915 г. очистить Литву, Польшу и значительную часть захваченной перед этим русскими войсками Галиции. Борьба на русском фронте в 1915 г. стоила немцам очень дорого, например, прусская гвардия потеряла за четыре месяца своего участия в этом походе 75 процентов своего состава. Германское главное командование не имело в виду развивать дальнейшее наступление в глубь России, его внимание вновь приковывает французский фронт, с которым оно хочет покончить раньше, чем Франция и Англия разовьют максимум своих сил и средств для продолжения борьбы.

В то время, когда русская армия изнемогала в тяжелой борьбе весной и летом 1915 г., сопротивляясь германскому натиску, союзники (Антанта) не торопились расходом своих сил помочь ей. Правда, в мае 1915 г. в войну вступила Италия, но ее работа мало облегчила русский фронт, а еще меньше сказалась поддержка французов в виде некоторой их запоздалой активности на западном фронте осенью 1915 г., в упомянутой выше шампаньской операции.

В 1916 г. германское командование сосредоточивает свои силы на французском фронте; там завязывается крупное сражение у Вердена, начавшееся в феврале и закончившееся лишь к концу августа (вернее, даже к концу года); несколько позднее, по инициативе англо-французов, стремившихся оттянуть внимание немцев от Вердена, завязывается крупная операция на реке Сомме, закончившаяся к половине ноября 1916 г.

1916 год был весьма тяжел для англо-французов. С целью поддержки своих союзников русское командо-

вание организует большое наступление весной и летом этого года. По первоначальному замыслу главный удар этого наступления должен был развиться в районе Барановичей, т. е. на пространстве севернее Полесья, но по целому ряду обстоятельств наступление получило широкий размах южнее Полесья (Луцкий прорыв и брусиловское наступление). Это наступление, выдохшееся к началу сентября, отвлекло некоторое количество германских сил с французского фронта и облегчило положение Италии. К осени 1916 г. вступила в войну Румыния на стороне антанты, но в том же году немецкая армия энергичной операцией покончила с румынской армией. Остатки ее вошли в состав русского фронта.

К 1917 г. силы России, измотанные длительной войной, были подорваны. Излишняя активность вооруженного фронта надорвала тыл страны, и хотя царская армия в техническом отношении на фронте была более сильна, чем в 1915 г., но общее состояние сил и средств государства было надломлено. Внутри государства назрел продовольственный и транспортный кризис, а между тем в наступающем 1917 г. англичане и французы ожидали новых, и в большом масштабе, напряжений со стороны русского фронта.

Тяжело было к 1917 г. и положение Германии, израсходовавшей свои силы в блестящих победах на полях сражений всех фронтов. Так называемая программа Гинденбурга, предусматривавшая широкое использование всех средств государства для целей войны, увеличившая расход на войну с 2 миллиардов марок в месяц в 1915 г. и весной и летом 1916 г. — до 4 миллиардов марок в месяц к осени 1917 г., в значительной степени дезорганизовала условия жизни внутри заблокированного государства. Германия выступает с попытками заключения мира, но безуспешно; тогда она переходит на путь усиления работы своего подводного флота, чтобы блокировать им Англию и надорвать материальные силы последней. Переход Германии на систему подводной войны затронул интересы Америки и ускорил ее выступление. Последняя, вступив в войну весной 1917 г., к концу этого года имела во Франции уже три своих

дивизии, а в следующем году, в последний год войны, американцы усилили противогерманский фронт борьбы на 1½ миллиона человек.

Весной 1917 года Антанта намечала генеральное наступление, в котором царская армия должна была принять решающее участие. Этот план был сорван революцией 1917 года. Уставшая, измученная почти трехлетней войной, старая армия быстро теряла свою боеспособность. Окончательно развенчанные революцией империалистические цели войны приходили в резкое противоречие с настроениями солдатской массы. Попытки Керенского «подлатать» реформами и уговорами боеспособность армии потерпели окончательный крах в июньском наступлении (1917 г.), предпринятом «революционным» правительством Керенского на австрийском фронте по прямой указке Антанты. Армия требовала мира. Империалистическая война на одном из главнейших театров неудержимо перерастала в гражданскую войну народных масс против господствующих классов. Октябрьская революция, выдвинувшая в качестве одной из своих первоочередных задач борьбу за прекращение бойни, затеянной господствующими классами, добилась (ценой временных уступок германскому империализму) мира для Советской страны. Эта передышка дала возможность победоносной Октябрьской революции приступить к подготовке сил для отражения помещичье-капиталистической контрреволюции и заложить основы новой классовой Красной армии.

В 1918 г. германское командование, добившись мира на востоке, пытается сокрушительными ударами сломить англо-французский фронт и весной и летом этого года одерживает здесь ряд крупных успехов, но в общем соотношение сил к этому времени было уже настолько не на стороне измотанной Германии, что последующее контрнаступление противника не могло не провести к крушению германского фронта на западном театре войны. Одновременно и на Балканах и в Азии дела складывались неблагоприятно для коалиции центральных держав. Одна за другой они идут на тяжелые условия перемирия, и война заканчивается.

1917 и 1918 годы характеризуются еще и нарастанием революционной волны. Это нарастание идет как в странах германской коалиции, так и в странах Антанты. В 1917 году, даже по свидетельству буржуазных историков, революционное брожение во французской армии принимает крайне острые формы [1]. Французская буржуазия принуждена прибегать к жестоким мерам подавления. Все ярче — то в одной, то в другой из воюющих стран — выступают признаки перерастания мировой войны в гражданскую.

★

Перейдем теперь к характеристике *развития техники* в течение войны и проследим то *влияние*, которое оказало это развитие на изменение форм и приемов боя.

Начнем с пехотного оружия и здесь, прежде всего, дополним ранее сказанное об опыте англо-бурской и японской войн следующим замечанием. Материальный (да и моральный) эффект поражения в этих войнах от винтовки, в незначительном количестве усиленной пулеметами, был больше, чем от артиллерии; так, в русско-японскую войну процент раненых винтовочной или пулеметной пулей для обеих сторон был много меньше, чем процент раненых осколками артиллерийских сна-

[1] Черчиль в своей книге „Мировой кризис" сообщает о движении целых полков на Париж с требованием мира. Он насчитывает до 16 армейских корпусов, в которых имели место революционные выступления, принявшие в ряде случаев крайне острый характер. Некоторые полки подняли даже красные знамена. С другой стороны это подтверждается и тогдашним военным министром Пенлеве. По его утверждению, в мае 1917 года был такой день, когда „между Суасоном и Парижем были только две дивизии, на которые можно было еще полностью положиться". Революционное движение в армии, вспыхнувшее изолированно, не руководимое революционной партией и не поддержанное рабочим классом, было сравнительно легко раздавлено французским командованием. Однако в ряде случаев, по свидетельству того же Черчиля, для борьбы с движением потребовались решительные меры—включительно до открытия длительного артиллерийского огня. „Над всем этим лежало настолько непроницаемое покрывало тайны, что даже ни один звук не дошел до врага, хотя в этом деле и участвовали тысячи французов", — гордо заявляет Черчиль.

рядов: у японцев было 85 процентов раненых пулями. 8 процентов — снарядами, у русских — 86 процентов раненых пулями и 14 процентов — снарядами. Слабость результатов артиллерийского огня в значительной степени можно объяснить неналаженным еще как следует использованием новой скорострельной артиллерии, главным образом неумением наладить взаимодействие и связь между пехотой и артиллерией. Часто артиллерийский огонь велся впустую; много значило и то, что было мало орудий, могущих успешно бороться с окопами противника, т. е. разрушать их.

Совершенно иную картину представляет 1914 г.: 75 процентов ранений от артиллерийских снарядов и только 23 процента — от ружейно-пулеметного огня. По отдельным сражениям 1917 г. на западно-европейском фронте это процентное соотношение еще больше снизится для ранений от пуль и только в боях 1918 г. опять несколько повысится; все же процент ранений от пуль не повышается больше 34, а для ранений от артиллерийских снарядов не снижается меньше 51. Указанное некоторое увеличение числа поражений от пуль к концу войны надо отнести за счет увеличившегося насыщения пехоты пулеметами и более рационального их использования.

Уже в русско-японскую войну наметились черты разделения труда между артиллерией и пехотой: артиллерия явилась оружием дальнего боя, пехота—ближних дистанций. Станковый пулемет русской-японской войны по своим свойствам был менее дальнобойным, чем в мировой войне, когда получил остроконечную пулю; пулеметов было, кроме того, мало, их берегли от артиллерийского огня противника, в результате чего пулемет был также средством ближнего боя.

Увеличение дальнобойности пулемета, значительно большее их количество в мировую войну (когда пулеметов много — не так страшно, что они частично будут подбиты артиллерией противника) *постепенно изменили взгляд на пулемет—и он делается средством дальнего боя пехоты*. Кроме того, техника выручает пехоту более мощными, чем винтовка, средствами ближнего

огневого боя — она дает легкий и ручной пулемет. С появлением этих средств *пехота бросает свою «цепь», в которой несла так много потерь от артиллерийского огня, пристраивается к машинам-пулеметам — создает таким образом новую свою тактику — групповую тактику*. Переход к новым тактическим формам не был быстр и легок; они развивались в процессе постепенного оснащения пехоты новой техникой и ее усвоения. Самыми трагическими моментами беспомощности пехоты были на западно-европейском фронте 1915 — 1916 годы.

В отношении *развития артиллерии нужно отметить как качественное улучшение, так и количественное увеличение*. За время войны полевые пушки увеличили свою дальность, путем технических усовершенствований. на 25 — 30 процентов; поднялась дальнобойность легких гаубиц, а также тяжелых гаубиц и пушек: усовершенствовались приборы и методы стрельбы. Увеличение артиллерии (числа орудий) шло по линии главным образом увеличения тяжелой артиллерии. Шрапнель заменяется на 80—90 процентов гранатой, так как шрапнель требовала большего искусства стрельбы, сама же выработка их в военное время была недостаточно тщательной, а между тем молодой командирский состав не мог быть достаточно искусным в этой стрельбе; кроме того. шрапнель была бессильной против окопов и стоила дороже гранаты.

Для иллюстрации количественного роста артиллерии приведем следующие цифры[1] по русской армии: с 1914 по 1917 гг. количество легких орудий (калибра *76 мм)* увеличилось с 7 112 до 7 265, т. е. почти не изменилось; количество тяжелых орудий (калибра свыше *76 мм)* увеличилось с 797 до 2 550. т. е. дало более чем тройное увеличение; гранат в 1914 г. было 30 процентов. шрапнели 70 процентов, а в 1917 г. — наоборот. На западно-европейском фронте количественный рост артиллерии привел на протяжении войны к такому изменению насыщения артиллерией боевых порядков: если в начале

[1] Взято из статьи М. Тухачевского „Война" в XII т. Б. С. Э.

войны на решающих направлениях сражения, на фронте в 5—6 километров развертывалась артиллерия в количестве 100—150 орудий. то в 1918 г. на ударных участках это же количество орудий относится уже к одному километру фронта.

Если посмотреть на *изменение соотношения численности основных родов войск* за время войны, то будем иметь такие цифры: пехоты и кавалерии, вместе взятых, в 1914 г. было 75 процентов. в 1918 г. — 50 процентов; для артиллерии эти цифры будут соответственно началу и концу войны — 15 и 40 процентов. для инженерных войск — 2 и 7 процентов, для авиации—0,1 и 3 процента. Исходя из этих цифр, можно притти к выводу, что боевое значение пехоты значительно пало. — однако это заключение будет ошибочным. Надо помнить. что пехота усилилась технически, машинизировалась. Выступив на войну с 6—8 пулеметами на полк, она к концу войны имела на полк 24 — 32 пулемета, а кроме того. в ротах появился легкий пулемет и частично — автоматическое ружье. Эта машинизация позволила сократить живую силу: численность рот на протяжении войны уменьшилось с 250 до 150—180 чел., а огневая сила батальона, несмотря на уменьшение числа людей. поднялась в полтора-два раза.

Несмотря на мощный рост артиллерии, превосходство артиллерийского огня над пулеметным огнем пехоты не было получено, и это превосходство достигалось лишь на важнейших участках фронта путем увеличения здесь артиллерии из средств главного командования. Это положение иллюстрируется следующими данными [1]: с 1914 по 1917 г. в русской армии количество пулеметов увеличилось с 4 152 до 23 800, т. е. больше чем в пять раз, количество же орудий—с 7 909 до 9 815, т. е. на одну четверть; на одно орудие приходилось пулеметов в 1914 г.—0,5, в 1917 г.—2.4. За то же время в *германской* армии количество пулеметов (тяжелых и легких) увеличилось с 3 000 до 70 000, т. е. почти в двадцать четыре раза, количество же орудий с 9 300 до 20 000.

[1] М. Тухачевский, „Война", статья в XII т. Б. С. Э.

т. е. только в два раза; на одно орудие приходилось пулеметов в 1914 г. — 0,3, а в 1918 г.—3,5. В составе *французской* пехотной дивизии за 1914—1918 гг. количество тяжелых пулеметов увеличилось с 24 до 72, т. е. в три раза, но, кроме того, появился 441 ручной пулемет, следовательно, общее количество пулеметного оружия в дивизии увеличилось в двадцать один раз; количество орудий возросло с 36 до 55; на одно орудие приходилось пулеметов в 1914 г. — 0,67 и в 1918 г. — 9,3.

Кроме насыщения пехоты пулеметами, техника дала ей на вооружение облегченную пехотную артиллерию в виде небольших легких пушек, предназначенных для стрельбы на ближних дистанциях, а также бомбометы и минометы; в окопной войне пришли на помощь ручная и ружейная гранаты.

Такая техническая насыщенность пехоты при новых формах групповой тактики позволяла ей после некоторого кризиса сохранить свою боевую ценность даже при относительно меньшей численности в общем составе армии. В последних боях войны пехота обнаружила довольно низкую боеспособность и без мощной массовой поддержки своей артиллерии сдавала; но это объясняется исключительно тем, что в конце войны пехота уже «отвоевалась». Когда бойцы не хотят драться, то никакая техника, никакие технические приемы и формы не помогут.

Броневые войска в виде бронеавтомобилей и бронепоездов *широкого развития за войну не получили* и не сыграли заметной роли. *Крупное значение имели танки.* Первыми их выдвинули англичане как средство прорыва укрепленной полосы противника. Первоначальные образцы танков были малосовершенны — ненадежный механизм, малая скорость (3—4 километра в час) и небольшой радиус действий — до 20 — 25 километров; первое применение их в бою малыми количествами не дало серьезных результатов. Но массовое (по 200 — 300 танков) применение их англо-французами в дальнейшем принесло существенные результаты, тем более, что к этому времени немцы в боевом отношении были уже не так крепки, как в начале войны, и не успели еще при-

способиться как следует к борьбе с танками; однако в операциях танки несли большие потери — до 50 процентов.

Химические средства были впервые применены Германией, т. е. страной, которая располагала наиболее развитой химической промышленностью. Кроме стремления найти средство «массового» поражения врага, на использование химических средств толкнул кризис со взрывчатыми веществами и порохами для снарядов. Первое применение химических средств в октябре 1914 г. последовало в 10-сантиметровых гранатах германской артиллерии, снаряженных чихательным веществом; в январе 1915 г. были применены снаряды с ядовитыми газами; первый выпуск газов из баллонов произведен немцами в сражении у Ипра 22 апреля 1915 г. и имел большой успех. Впрочем, газобаллонные атаки не получили большого размаха на протяжении войны — производство их было сложно, зависело от атмосферных условий и даже в обстановке твердого, неподвижного фронта позиционной войны не всегда было безопасно для своих войск. Большее развитие получили артиллерийские химические снаряды, пользование которыми от атмосферных условий зависело в меньшей степени. Удобными оказались и газометы, выпускающие мины [1] с ядовитыми газами; они по 40 — 30 штук становились одной батареей, имели заряд, воспламеняемый электрическим запалом; дистанции бросания были сначала на 1 километр, а к концу войны — до 3 километров. В общем в отношении боевого применения химических средств война дала первый и довольно основательный толчок, благодаря которому в *будущем вопросы химической атаки и химической обороны ставятся как один из серьезнейших вопросов военного искусства.*

Бешеным темпом развивалась за время войны авиация. Развитие техники авиации шло по линии увеличе-

[1] Мина — тонкостенный снаряд значительного объема, начиненный большим количеством взрывчатого вещества или отравляющими веществами. Мина выбрасывается минометом на небольшое расстояние, но по эффекту действия равняется тяжелому артиллерийскому снаряду.

ния мощности моторов (до 200—260 сил), увеличения скорости до 150 километров в час; поднят потолок до 4 000 метров. Увеличилась грузоподъемность аэроплана, и он получает вооружение в виде пулеметов и даже, в единичных случаях, в виде небольших пушек (например, в 1916 г. аэроплан Вуазена имел 37-миллиметровую пушку Гочкиса, стрелявшую картечью); аэроплан приспособляется для возки и сбрасывания бомб.

В начальный период войны немногочисленная авиация несет только службу разведки и отчасти связи; в дальнейшем ее работа дополняется службой корректирования огня артиллерии, бомбометанием и, наконец, атакой с воздуха земных войск. Постепенно производится специализация авиации — самолеты делятся на группы разведчиков, бомбовозов и истребителей. Рост боевого значения авиации вызвал необходимость борьбы с ней как силами собственной авиации—возникают воздушные бои, так и путем артиллерийского и пулеметного обстрела — появляются и развиваются специально зенитные артиллерии и пулеметы. Так, *Германия к концу войны имела целую противовоздушную армию в 60 тыс. человек, 17 тыс. лошадей, 2½ тыс. пушек, при 3½ тыс. повозок и 800 автомобилей.* Такой размах противовоздушной обороны объясняется тем, что приходилось организовать противовоздушную оборону не только близких, но и глубоких тылов, так как противник стремился дезорганизовать тылы бомбардированием крупных дорожных узлов, политических и промышленных центров. Англия за войну подверглась 51 нападению дирижаблей и 57 раз была атакована самолетами. При этом было убито 296 военнослужащих и 1 117 граждан, ранено 521 военнослужащих и 2 886 граждан. Воздушные нападения в Лондонском округе нанесли ущерб в 2 млн. фунтов стерлингов. Нападающие израсходовали 300 тонн бомб и потеряли 13 дирижаблей и 128 аэропланов. В 1918 г. немцы предприняли воздушную атаку Лондона 33 самолетами.

Для ограждения атаки англичанам потребовалось 800 зенитных орудий, 400 прожекторов и около 100 самолетов-истребителей.

Количественный рост авиации характеризуется к концу 1918 г. такими цифрами: численность самолетов, находящихся в строю, достигала во Франции и Англии по 3 000 самолетов в каждой стране. Построено же за время войны аэропланов и моторов много больше; так, Франция, передовая в этом отношении, построила 51 100 самолетов и 93 100 моторов; несколько меньшие цифры дали Англия и Германия; Россия построила всего лишь 3 000 самолетов и 1 300 моторов. Значительное несоответствие между количеством построенных самолетов и численностью их в строю объясняется быстрым выходом из строя как самолетов, так и летчиков. Убыль последних достигала 400 процентов от средней их годовой численности и колебалась, в зависимости от воздушной специальности (разведчик, бомбовоз, истребитель). Война выдвинула целый ряд летчиков, сбивших у противника по нескольку десятков самолетов.

Развитие авиации не могло не отразиться на характере передвижений войск и их расположения вне боя и в бою. Выдвинулась необходимость *большого расчленения войск* на марше, при расположении на месте и в бою. Скрытность расположения и передвижений оказалась столь необходимой, что *определила маскировку как один из важнейших вопросов работы войск и тыла;* появились специальные маскировочные средства и приемы маскировки.

Мы уже отмечали в первой главе, что еще нарезное оружие средины XIX века затруднило работу конницы на поле боя, что даже тогда огонь мешал ей работать в бою в тесном взаимодействии с пехотой и ставил вопрос об использовании ее, кроме разведки, для действий только на флангах. *В XX веке, несмотря на возросшую мощь огня, конница получает возможность вернуться вновь на поле сражения, но в другом виде* и, конечно, не с теми задачами, какие она имела в далеком прошлом, когда дралась плечом к плечу с пехотой. Дело в том, что в XX веке боевые действия армии такой же численности, как в XIX веке, растянулись на гораздо большей площади, чем это было несколько десятков лет назад. Сражение не представляет в маневренной войне

такого почти сплошного фронта, какой имелся в прошлом веке, когда войска только подходили к бою врозь, а дрались вместе, без крупных промежутков между ними. Об этом мы говорили, изучая события русско-японской войны; а маневренный период мировой войны говорит нам о том же.

В начальный маневренный период мировой войны как на западно-европейском, так и на восточно-европейском фронтах (на последнем много дольше) для конницы, кроме работы по разведке и прикрытию развертывания армий, было немало простора и возможностей для деятельного участия в развернувшихся сражениях как на флангах их, так и в промежутках между отдельными очагами сражений. Будь конница лучше использована высшим командованием, лучше руководима своими старшими начальниками, она могла бы записать в свою историю не один пример успешного участия в современном бою. Таким образом, можно сказать, что по сравнению с прошлым веком техника XX века, изменив характер сражения, допустила тем самым возможность боевого применения конницы на поле сражения. Само собой разумеется, что новые формы боя заставили конницу уделить больше внимания огню и прежде всего усилить себя огневыми средствами.

Позиционный фронт конницу частично спешил, частично расформировал, и когда в 1918 г. на западно-европейском фронте местами вновь создались маневренные условия войны, то конница оказалась и малочисленной и слабо подготовленной в техническом отношении. Но даже при этих условиях она принесла в этот период большую пользу; эффект ее боевой работы был бы много выше, если бы на развитие ее в уровень с развитием техники было обращено больше внимания и если бы меньше сокращали ее численность.

Среди *средств связи*, кроме широкого использования телеграфа и телефона, начинает применяться радио. Использование радио для оперативной связи тормозилось невозможностью скрыть от противника содержание передачи: вот почему в бою радио использовалось главным образом для связи артиллерии с корректирова-

шими ее самолетами; радио-связь в самом боевом порядке пехоты не получила достаточного развития. Разрушение в бою артиллерийским огнем телефонной сети заставило пользоваться и старыми световыми средствами связи; работали по службе связи в позиционной войне и голуби. Трудность управления современным боем, расчленившим по фронту и в глубину даже небольшие войсковые части, ставит вопрос о средствах и способах связи как один из важнейших вопросов боевой работы войск.

Военно-инженерное дело получило во время империалистической войны чрезвычайно широкое развитие, особенно благодаря позиционному характеру боевых действий, при котором, кроме работ для обороны, производились и работы для наступления, — создавались плацдармы как исходные положения для атакующих: в 1915 г. на французском плацдарме для наступления в шампаньской операции было, например, построено 1 000 километров траншей, при чем было вырыто в твердой меловой породе до 2 миллионов кубических метров грунта. Грузы военно-инженерного снабжения среди всех подвозимых предметов довольствия и снабжения занимали значительное место. Нижеследующая таблица дает представление об общей картине подвоза на фронте дивизии западно-европейского театра войны:

Подвозилось	На спокойном участке в процентах	На участке интенсивных операций в процентах
Боеприпасов	12	46
Продовольствия	21	14
Инженерное имущество	14	19
Дрова, уголь, щебень, позиционные материалы	53	21
Всего в сутки	300—400 тонн	800—900 тонн

Русская армия за войну израсходовала 800 000 тонн колючей проволоки.

В тактическом отношении военно-инженерная оборона претерпела значительные изменения. От одной оборонительной *линии* перешли к оборонительной *полосе*, а затем к ряду этих полос. В связи с общей эволюцией тактических форм мировая война стала обозначать словом «позиция» не линию, как это было во времена англо-бурской и русско-японской войн, а район. Война выдвинула такие формулировки:

Обороняться — это значит занять ряд точек на местности, расчленив свое расположение по фронту и в глубину; организовать такую систему огня, который поражал бы наступающего как перед фронтом обороны, так и в глубине его (на случай вклинения противника), обеспечивал также огнем поддержку контратакам против врага, ворвавшегося в обороняемый район.

Наступать — это значит не только добраться до расположения противника и захватить его перволинейные точки; наступать — это значит подавить систему огня противника своим толково налаженным огнем и, овладев точками переднего края оборонительной полосы противника, решительно продвигаться в глубины его расположения.

Крепости — на сопротивление которых так надеялись перед войной на основе опыта обороны Севастополя (в войну 1853—56 гг.) и Порт-Артура (в 1904—1905 гг.) — *оказались не в состоянии противостоять в одиночестве, без связи с общим фронтом операции, современным средствам разрушения* и приемам атаки. Бельгийские, русские и румынские крепости, боровшиеся с немцами изолированно, без связи с общим фронтом работы армий, погибали, образно выражаясь, мгновенно.

Наоборот, даже маленькая русская крепость Осовец, а тем более солидные крепости Франции на ее восточной границе, благодаря совместным действиям с находящимися по соседству с ними полевыми армиями, сыграли положительную роль в качестве одного из участков общего фронта сражения.

Необходимо особо подчеркнуть один из характернейших вопросов в развитии военного искусства в XX веке — проблему *расхода огнеприпасов*. Средний месячный расход артснарядов только французской и английской армий составлял во время империалистической войны 12 710 000. Чтобы представить себе грандиозность этой цифры, необходимо знать, что в прежних войнах общий расход за войну (а не за месяц в среднем) был таков: в австро-прусской войне 1866 г. — у австрийцев 96 000, у пруссаков — 36 199; во франко-прусской войне 1870—71 гг. — у германской армии 817 тыс., в русско-японскую войну 1904—05 гг. — у русской армии 954 тыс. и в балканскую войну 1912—13 гг. — у болгарской армии — 700 тыс. А вот другой пример: с 21 марта по 9 апреля 1918 г. две французские армии (1-я и 3-я) при отражении германского прорыва, направленного даже своими главными усилиями не на французов, а на английский участок фронта, израсходовали 4 млн. 75-миллиметровых и 875 тыс. тяжелых снарядов, составлявших, примерно, одну четверть всего огромного запаса, который французы накопили для кампании 1918 г.; этот расход за двадцать дней боя двух французских армий был почти равен количеству снарядов, заготовленному в мирное время на всю предстоящую войну. Несмотря на то, что вся Франция к этому времени превратилась как бы в одну огромную мастерскую для изготовления снарядов, она в 1918 г. пережила снарядный кризис. Наибольший снарядный голод был в русской армии и особенно тяжелый в 1915 г., когда русская промышленность еще слабо приспособилась к нуждам войны. В 1916 г. русская армия израсходовала одних 76-миллиметровых снарядов 28 миллионов штук, а на 1917 г. их потребовалось 36 миллионов.

Основным условием, определившим такой большой расход огнеприпасов, являются, конечно, технические свойства современного оружия. Но надо также подчеркнуть, что много огнеприпасов расходовалось без счета, без должной экономии. Дисциплины огня, т. е. расхода выстрелов с толком, когда это нужно, и строжайшей экономии их, когда это возможно, в мировую

войну не было. Лозунг — дисциплина огня — для всех, от рядового бойца до высшего начальника, — должен всегда стоять в центре внимания. Без дисциплины огня при прожорливом оружии современности никакая промышленность не в состоянии будет справиться со снабжением армии во время войны. Вот почему проблема расхода огнеприпасов, тесно связанная с вопросом о дисциплине огня, является одним из характернейших вопросов развития военного искусства в XX веке.

Приведенный нами цифровой материал, характеризующий использование всякого рода технических средств и огнеприпасов, с достаточной очевидностью говорит о том, что *фронт, т. е. сражающиеся армии тесно связаны с работой глубокого тыла — с жизнью и работой всей страны в целом.* Потребности, запросы фронта в материальном отношении в империалистическую войну были так велики, что все хозяйство страны должно было перестраиваться применительно к этим запросам, и прежде всего должна была мобилизоваться промышленность страны. Этого никто, не исключая Германии, не предусмотрел и не спланировал. Все хозяйство воевавших стран получило на протяжении войны особый отпечаток и характер. Мы не имеем возможности остановиться на этих особенностях с необходимой полнотой и ограничимся лишь характеристикой одной из сторон хозяйства воевавших стран — развитием военной промышленности.

Запаса снарядов мирного времени, заготовленных по расчету на год войны, хватило гораздо меньше, чем на год; это же относится и к другим предметам вооружения. Система ведения войны за счет запасов мирного времени скоро выявила свою несостоятельность. Современное развитие техники при массовой армии вынуждает основывать военное снабжение не на запасе мирного времени, а на подготовке военной и общей промышленности к производству всего необходимого для нужд войны с началом ее. Критическое положение, в котором оказались все участники войны, заставляло их итти по пути форсированного развития уже имевшейся в мирное время военной промышленности и мобилизации

предприятий общегражданской промышленности, которые по своему оборудованию могли быть приспособлены для производства военного снаряжения. Уже в первые месяцы войны на этот путь стали Германия и Франция, много позднее — Англия и Россия.

Германия, лишенная возможности в значительной мере опираться на заграничные заказы, вместе с тем должна была помогать Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Во время войны на производстве орудийных систем, кроме основных двух казенных и двух частных военных заводов, объединились 536 гражданских заводов, из которых 25 изготовляли целые системы пушек. 48 — части орудий и 463 — части лафетов. Для фабрикации винтовок были организованы 100 заводов, изготовлявших ранее пишущие, счетные и швейные машины, велосипеды и пр.; они производили отдельные части винтовок, сборка которых проходила на казенных заводах. Примерно таким же путем шла и Франция, которая к концу войны имела в подчинении министерства вооружения 15 500 частных предприятий с 1,7 млн. рабочих.

Мировая война показала, что техника не уменьшила, а даже подняла значение живой силы — человека. Живые силы нужны на фронте, чтобы толково применять технические средства борьбы; нужны они и в тылу, чтобы производить эти технические средства и питать их. Армия, дерущаяся на фронте, представляет лишь часть сил и средств страны, ведущей большую войну. В борьбе, с неменьшим напряжением, чем армия на фронте, участвует вся страна в целом — *и подготовка к войне не может поэтому ограничиваться подготовкой только армии, а должна распространяться на подготовку к войне всего государственного организма.*

ГЛАВА IV

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918—21 гг.

Гражданская война в советской России. Борьба пролетариата с империализмом. Характеристика вооруженных сил обеих сторон. Тактические и оперативные формы гражданской войны. Пролетарский костяк Красной армии. Основные линии развития военного искусства в последнее десятилетие. Рост расходов на вооружение. Ревизия проблемы „вооруженного народа". Фашизация буржуазных армий. Развитие военной техники. Авиация, химсредства и моторизация войск.

1. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918—1921 гг. И ЕЕ УРОКИ

«Гражданская война — «наша война», — говорил Ленин, — *является продолжением политики революции, политики свержения эксплоататоров, капиталистов и помещиков».*

Силы внутренней контрреволюции, организовавшейся почти на всех концах Советской республики, деятельно поддерживались буржуазией капиталистических государств; кроме побочного участия (в виде материальной и организационной помощи, оказываемой отдельным контрреволюционным группировкам), империалистические государства приняли и прямое участие в войне, направив свои войска для интервенции. Вот почему война эта была не только гражданской войной в России, — она была *войной пролетариата*, «организо-

ванного в господствующий класс», с империализмом. Отсюда понятна та напряженность борьбы, которая является характерной чертой гражданской войны 1918—21 гг.

★

Вооруженные силы обеих сторон — и революции и контрреволюции—создавались и укреплялись в процессе борьбы и даже (в начальный период войны) на самом театре военных действий. Развиваясь в процессе борьбы и соответственно нарастанию борьбы, вооруженные силы Советской республики достигли в 1920 г. численности в 5½ млн. чел. В худших условиях, в смысле формирования массовых армий, находились контрреволюционные группировки, политические цели которых шли в разрез с интересами рабочих и крестьянских масс.

Значительная численность вооруженных сил революции, достигших указанной выше цифры в 5½ млн., *не обусловила* соответственно большой численности Красной армии на фронте боевых действий.

Дело в том, что общее протяжение фронта гражданской войны достигало 8 600 километров, и на нем боевые действия развернулись почти везде, где только местные условия допускали их ведение. С другой стороны, хозяйственная и промышленная разруха, полученная в наследство Советской республикой от времен империалистической войны и усугубленная еще в самом процессе ожесточенной борьбы, отрывала значительную часть вооруженных сил для работ и служб в глубоком тылу; печальную роль играл в этом отношении и надорванный транспорт.

Для иллюстрации распределения сил приведем следующие цифры, относящиеся к 1 октября 1920 г. Из общей к этому времени численности Красной армии в 5 498 000 едоков около половины (2 587 000) находилось в военных округах, 391 000 чел. — в запасных армиях и 159 000 чел. — в трудовых армиях; на всех фронтах — 1 178 000 чел. На двух решающих фронтах — западном и юго-западном—всего было 581 000 едо-

ков, т. е. около 10 процентов всех вооруженных сил. Неудовлетворительным было и соотношение едоков и бойцов в пределах каждого фронта. Таким образом, во всей армии — 5 500 000 едоков, из них 700—800 тыс. бойцов, а из последних—400—500 тыс. штыков, т. е. за каждым штыком на фронте стояло 10 едоков в тылу.

★

В империалистическую войну, только в начальный ее период, действия сторон имели ярко выраженный маневренный характер; этот маневренный период был краток — на западно-европейском фронте он уже к началу первой зимы уступил место позиционным формам; несколько более продолжительными маневренные действия были на обширном театре восточно-европейского (русского) фронта, где они встречаются в виде отдельных вспышек, даже в середине войны— в 1916 г. Большую часть империалистической войны миллионные массы, сильно насыщенные техникой, были скованы рамками позиционных условий; кровопролитнейшие сражения 1917 и 1918 гг. сводились к тому, что одна сторона стремилась пробить брешь в толще неприятельских позиций и выйти на простор маневренных действий, другая сторона отражала эти попытки.

Совершенно иную картину представляет характер военных действий в условиях гражданской войны. На протяжении ее *«позиции», «укрепленные районы» и борьба за них играли, за единичными исключениями* (Царицын, Каховка, Перекоп, Юшунь). *ничтожную роль.*

Чрезвычайная активность и смелость советской стратегии и оперативного искусства в решающие моменты, малочисленность действующих армий, обширность театра военных действий каждого из образовавшихся фронтов, в связи с наблюдавшимися отдельными случаями колебания настроений крестьянства, обусловили необычайную подвижность фронта, глубокий размах операций, большую маневренность войны. Стремительное продвижение вперед с захватом огромной террито-

рии или крупный отскок назад, устремление главным образом на фланги и тыл противников — являются характерными особенностями гражданской войны.

Гражданская война уже в конце 1918 г. имела характер большой маневренной войны, постепенно усложняемой нарастанием борьбы на ее многочисленных фронтах. В свой начальный период она характерна так называемой «эшелонной войной», когда отряды Красной гвардии из центров революции — из Москвы и Петрограда (Ленинграда) — распространялись по железнодорожным магистралям, захватывая железнодорожные узлы и крупные пункты на периферии и способствуя утверждению там советской власти. В этот же начальный период мы имеем своеобразную форму военной «завесы» в виде тонкой кордонной линии, примененной для прикрытия страны от германских войск после заключения Брестского мира. Кроме того, Красная армия вела сложную борьбу с кулацким повстанчеством (махновщина, антоновщина, «зеленые» и т. д.).

Особо напряженными боевые эпизоды гражданской войны были в 1918—19 гг. на восточном и южном фронтах, в 1920 г. — на польском фронте и на крымском участке против Врангеля. Находясь во внутреннем положении по отношению к своим врагам, кольцом сжимавшим Советскую республику, Красная армия должна была изыскать способы быть сильной там, где это в данный период борьбы было необходимо [1]. Сосредоточение усилий на избранных направлениях происходило и

[1] Ограниченные размеры брошюры не дали возможности нам остановиться на характеристике роли интервенции в гражданской войне 1918—21 гг. и в образовании отдельных контрреволюционных фронтов. Военное содействие интервентов белому движению в разные периоды и на разных фронтах протекает по-разному. Десанты Антанты, произведенные летом 1918 года, явились основной предпосылкой для образования Северного фронта гражданской войны. На востоке эту роль на себя взял чехо-словацкий корпус, выступивший в мае 1918 года по непосредственной указке Антанты; в своей борьбе Колчак и Деникин периодически опираются на прямую поддержку войск интервенции и т. д. Наличие серьезных экономических и политических противоречий в рядах самих империалистов явилось одной из основных причин, вызвавших стратегическую обособленность отдельных

за счет ослабления сил на одном фронте с переброской их на другой, и в виде притока пополнений направляемых на ударный фронт.

Перегруппировка сил с одного фронта на другой проводилась в весьма трудных и сложных условиях. Вследствие обширности страны и удаленности фронтов один от другого перебрасываемым войскам приходилось проезжать огромные расстояния. к тому же еще при подорванном транспорте. Самый момент решения о сосредоточении главных ударных усилий на одном из фронтов осложнялся обычно тем, что события на другом фронте. с которого по необходимости надо было снимать часть сил. еще не получали решительного перелома в пользу красной стратегии. Как пример возьмем 1919 г., когд, при недобитых еще войсках Колчака. надо было организовывать разгром сил Деникина, наступавшего на Москву. И в решении стратегических вопросов опыт гражданской войны выявил и подчеркнул огромное значение твердого политического руководства войной, направляющего, соответственно общей обстановке, развитие военных действий в нужном направлении.

В отношении использования *пополнений* необходимо. как характерную черту, отметить *ударное направление коммунистов и рабочих на важнейшие участки борьбы в решительные, кризисные ее моменты.* Так было весной 1919 г., когда Колчак подходил к Волге; так было и осенью того же года. когда Деникин подходил к Орлу. Если в Красной армии не было ударных частей. то ударные пополнения она знала. К 1 октября 1919 г. в армии было 180 000 членов партии; за время гражданской войны на боевых фронтах погибло более 50 000 коммунистов. Коммунисты цементировали своим классовым самосознанием и революционной энергией крестьянские

белых фронтов. Взаимодействию между отдельными фронтами в гражданской войне мешала, конечно, и обширность той территории, на которой развернулась гражданская война. Все эти обстоятельства обеспечили красной стратегии возможность, умело маневрируя по так называемым внутренним операционным линиям, сокрушительными ударами разбивать по частям вооруженные силы белого окружения.

пополнения, вливавшиеся по мобилизации в ряды Красной армии.

При активном участии самого населения в гражданской войне части Красной армии могли сохранять достаточную боевую численность при своих наступательных операциях даже в случае несвоевременного получения пополнений из глубокого тыла, пополняясь за счет населения захватываемой территории; особенно в этом отношении поучительны походы революционных войск на Урале и в Сибири; в менее благоприятных условиях для этого проходила кампания 1920 г. в Польше, где, на ряду с проявлениями классового единства, в отношении Красной армии наблюдались и националистические настроения мелкой польской буржуазии и части крестьянства.

Сосредоточение усилий на избранных направлениях выражалось не только в массировании на них сил и средств, но и в масштабе и характере политработы. Выполнение Красной армией задач, которые ей ставила политика революции, обеспечивалось твердым и последовательным руководством со стороны партии революционного пролетариата, «организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы» (Ленин). *Никогда еще организация политработы, организация партийно-политического аппарата внутри армии не ставились и не выявлялись в таком большом масштабе, с такой заостренностью и четкостью.* И соответственно общему сосредоточению усилий на избранных направлениях ударно заострялась на них и политическая работа. «Последовательная постановка новых политических задач по мере развития операции на различных фронтах является одним из интереснейших достижений гражданской войны. Это есть практическое приложение «ленинизма» к военному делу» [1].

Приведем несколько характерных сочетаний политических лозунгов с операциями гражданской войны на южном фронте в 1919 г.

---

[1] Гражданская война 1913—21 гг., т. II, статья А. Вольпе „Преследование в гражданской войне", стр. 255.

При первых операциях от Курска — «Отстоять Тульскую кузницу» (в Туле была основная база ружейного и патронного снабжения Красной армии).

При операциях в Донбассе — «Освобождение Всероссийской кочегарки».

Операции на Дону и Кубани — «Смерть Деникину Советской стране нужен южный хлеб».

Теперь обратимся к характерным моментам оперативного и тактического искусства гражданской войны, относящимся главным образом к Красной армии. Здесь, прежде всего, общей характерной чертой для многих периодов и районов гражданской войны является ударность, сосредоточенность усилий на избранных направлениях за счет ослабления сил на других участках фронта. *Красные войска,* несмотря на растянутость их расположения по большим участкам фронта, *умели организовать свою боевую работу сосредоточенными группами* и не только при наступлении, но и при обороне, создавая в последнем случае ударные группировки для действий против продвигающегося вперед противника. Незначительная плотность фронта, обусловленная малочисленностью войск при обширности пространства, на котором они действовали, не могла приводить к прочным линиям расположения сторон. На фронте обеих сторон, естественно, было много слабо занятых или даже совсем не занятых участков. Это обстоятельство определило ряд характерных черт в приемах наступления и обороны, к изложению которых мы сейчас и перейдем.

Наступающий стремился проникнуть через свободные или более слабо занятые участки в расположении противника с тем, чтобы развить действия во фланг и тыл его группировок; против более сильно занятых противником участков наступающий ограничивался в большинстве случаев лишь демонстративными действиями; решительных атак против сильно занятых участков избегали и потому, что для них потребовалось

бы и артиллерии много больше, чем ею располагали обе стороны. К прорыву прочно занятого неприятельского расположения с соответствующим для этого усилением артиллерии прибегали, но в редких случаях; примеры таких действий — прорыв польских позиций на западном фронте в 1920 г., атака крымских перешейков в борьбе с Врангелем (Перекоп).

Обороняющийся не мог рассчитывать на успешное отражение наступающего врага пассивным удерживанием всей занимаемой линии, ибо она всегда имела в некоторых местах «прорывы». Поэтому обороняющийся обычно действовал так: войска, находящиеся впереди, ограничивали свою работу лишь охранением фронта, наблюдением и разведкой противника, чтобы выяснить направления его наступления; при нажиме противника они отходили, но в это время резервы, располагавшиеся в глубине, переходили в наступление и атаковали продвигающегося противника. Реже применялся другой вариант, когда атакованный строил свою оборону на упорном удержании отдельных важных пунктов фронта; защищающие их войска должны были удержаться и отбиться от окружающих их войск противника, пока находящиеся в глубине резервы не организуют своего перехода в наступление во фланг и тыл прорывавшемуся противнику. При неудачных исходах борьбы в таких ее формах обороняющийся иногда настолько далеко отскакивал назад, что высшему командованию приходилось производить организацию новой исходной линии для последующей операции, в значительном удалении от начального фронта боевых действий: отошедшие войска устраивались, приводились в порядок, притягивались новые силы, и создавалась новая группировка для контрудара уже в большом масштабе.

Своеобразные условия театров военных действий различных фронтов, разнообразная подготовка бойцов и командиров Красной армии приводили к тому, что тактические формы и приемы в гражданскую войну были весьма многообразны — *была, как говорят, не одна тактика, а много тактик*. Необходимо подчеркнуть, что если

общее насыщение фронта техникой было, благодаря его большому протяжению, незначительным, то насыщенность техникой самих войск, по сравнению с армией царской России 1916 г., была больше: на 1 000 штыков в 1916 г. было 3—4 орудия и 8—10 пулеметов, а в 1920 г. — 6—12 орудий и 30—50 пулеметов [1].

Станковый пулемет, как и в мировую войну, сыграл свою роль как машина, заставляющая бойцов опираться на нее, группироваться около нее. Хотя по внешности боевой порядок часто, особенно в начальный период войны, и в дни, когда вливалось пополнение, напоминал цепь начала мировой войны, но *по существу сила боевого порядка как при обороне, так и при наступлении основывалась на станковом пулемете, и формы групповой тактики местами выражались весьма отчетливо.* Боевой порядок гражданской войны не получил, однако, той расчлененности в глубину, которая выявилась в мировую войну, где эта глубина создалась в результате действий мощной артиллерии.

Броневые части в виде бронепоездов и бронеавтомобилей приняли *большее участие в борьбе*, чем это было в мировую войну; танки же, наоборот, особого значения не имели, их было мало. Авиация, хотя и малочисленная по сравнению с мировой войной, работала чрезвычайно оживленно, главным образом по разведке и частично по борьбе с земными войсками. Военно-инженерное дело интересно в своем опыте по восстановлению и порче путей.

Особенно интересный опыт дает нам гражданская война в области *применения конницы.* Годы этой войны вписали *блестящую страницу в историю конницы.* Конница, почти похороненная перед этим, возродилась и явилась грозной силой, отчетливо повлиявшей на ход борьбы.

Мы отмечали, характеризуя опыт мировой войны, что развитие техники, изменив характер сражения, давало возможность в условиях маневренной войны ши-

---

[1] С. Каменев. Предисловие к III т. „Гражданская война 1918—1921 гг."

роко использовать конницу на флангах и в промежутках между отдельными группами широко разбросанного и расчлененного боевого порядка армии. И если эти возможности не были использованы, то не техника в этом виновата. Малая плотность фронта гражданской войны, большие свободные или слабо занятые участки этого фронта, большая подвижность, маневренность — все это открывало широкий простор для работы конницы, ставшей грозой для пехоты, особенно для частей, еще не успевших сколотиться, упрочиться.

Простору для работы конницы было много на многих участках фронтов гражданской войны, но зародилась, развилась и окрепла конница в южных степях: первой ее выдвинула южная контрреволюция в лице казачества, а в противовес ему в процессе борьбы организуется красная конница. Красные конные отряды стихийно возникают на самом фронте на территории Дона, Кубани, Ставрополя и Украины; постепенно они получают организационную форму в виде полков, бригад и дивизий.

В июне 1919 г. образуется крупное соединение в виде конного корпуса Буденного; к осени этого года на южном фронте в распоряжении командования имеется уже целая конная армия Буденного, конный корпус Думенко, дивизия червонных казаков Примакова. К исходу 1919 г. красная конница, если не численно, то качественно уже превосходит конницу белых.

Подобно пехоте конница имела сильные огневые средства. По штату кавалерийские дивизии внутренних формирований имели по 4 станковых пулемета на полк; в дивизиях же, создававшихся на фронте, полки имели по 16—20 пулеметов на полк, с расчетом по 4 пулемета на эскадрон; артиллерия имела по 12 орудий на дивизию. Умелое использование огневых средств, сочетание удара с огнем, комбинирование действий в конном и пешем строю позволяют коннице, как показал опыт этой войны, играть в современной операции одну из решающих ролей; свидетельством этого являются блестящие действия в кампании 1920 г. конной армии Буденного, конницы Гая и Примакова.

Активнейшее участие в гражданской войне населения привело к широкому развитию *партизанских действий;* повстанчество и сложная борьба с ним занимали значительное место — годы гражданской войны поучительны опытом малой войны не в меньшей степени, чем они поучительны опытом большой маневренной войны.

Война проходила в условиях большой *хозяйственной разрухи;* вопросы питания фронта, устройства тыла требовали большого напряжения, и опыт войны дал много интересного с точки зрения приспособления хозяйства страны к нуждам войны. Нельзя забывать, что вся система военного коммунизма являлась единственно возможным разрешением проблемы ведения борьбы в условиях надорванного хозяйства.

В продовольственном отношении действующие армии мало зависели от глубокого тыла; армии на фронте были немногочисленны и многое для своего питания могли доставать на месте; кризисные моменты в этом отношении Красная армия переживала лишь в 1920 г., во время своих больших операций в бедной местными средствами Белоруссии и затем Польше.

В связи с общей разрухой военная промышленность старой России в 1917 г. сильно пострадала, а в дальнейшем ее падение пошло еще более быстрым темпом. Были приняты меры к восстановлению военной промышленности, и в 1919 г. она несколько поднялась, но затем падение пошло дальше. Снарядного кризиса армия не знала, так как запасы мировой войны были еще значительны, а сама гражданская война носила больше ружейно-пулеметный характер; но патронный кризис временами давал себя знать.

Опыт гражданской войны 1918—21 гг. должен быть тщательно собран и проработан; внимательное его изучение не только знакомит нас с героической эпохой зарождения и боевой работы Красной армии, но помогает лучше подготовиться к обороне страны в будущем [1].

[1] Кроме брошюры тов. Голубева „Гражданская война 1918—21 гг.", изд. „Молодая Гвардия", для углубленного изучения этой войны имеются изданные в последние годы три тома „Гражданской войны 1918—21 гг."

2. ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Характерная черта империализма до мировой войны — *крупные расходы на вооруженные силы* — делается еще более характерной и в послевоенные годы. Расходы на вооруженные силы крупнейших империалистических держав (САСШ, Англия, Франция, Япония и Италия) в 1913 г. составляли 2 300 млн. золотых рублей, в 1926 г. — 3 900 млн. зол. руб., в 1930 г. эти государства тратят 5 700 млн. зол. руб.; если расход 1913 г. принять за 100, то расход 1926 г. будет равен 170, а 1930 г.— 240 [1]. Следовательно, бюджет подготовки к войне растет темпом более быстрым, чем это было в самый горячий период подготовки к мировой войне 1914—18 гг.

В самом характере подготовки к войне отмечается новый принцип — *подготовляют к войне не только армию (собственно вооруженную силу), но и всю страну*. Война 1914—18 гг. в этом отношении научила многому.

В соответствии с этим предусматривается не только накапливание сил и средств в мирное время, но в еще большей степени развитие их в процессе будущей войны. Судить о размахе и силе подготовки к войне по военным бюджетам и мирным исчислениям сил и средств в наше время не приходится; есть еще скрытые пути милитаризации — развитие промышленности и систематическая подготовка ее развертывания на военное время. Большое внимание и большие средства уделяются исследовательской работе по изысканиям новых технических средств, могущих быть примененными в будущей войне.

★

Отметив общий характер подготовки к войне, отличный от периода, предшествующего мировой войне 1914—18 гг., обратимся к разбору двух основных вопросов: 1) численности и особенностей состава вооруженных сил и 2) основных тенденций в развитии техники.

[1] „Красная звезда" № 177, 1930 г.

«Вооруженный народ» как система организации вооруженных сил эпохи империализма в своем развитии к концу войны 1914—18 гг. *оказался чрезвычайно опасным для благополучия господствующих классов капиталистического государства*, а в России «вооруженный народ» действительно обратился в вооруженный народ без кавычек и привел к Октябрю.

Вот почему пришлось *пересматривать* эту систему с точки зрения ее пригодности в условиях все более и более развивающихся классовых противоречий внутри капиталистических государств; этот пересмотр имеет тем большее основание, что имелся кое-какой конкретный опыт: уже в 1918—21 гг. ненадежность «вооруженного народа» для борьбы с Советской республикой обозначалась довольно ясно. Теперь читатель поймет, почему капиталистический мир стал приходить к мысли о желательности иметь малочисленные армии, но с сильной техникой, т. е. иметь *поменьше ненадежных людей и побольше надежных машин* [1]. Но малой армией, хотя бы и пересыщенной техникой, не обойдешься. ибо ее тыл при обильной технике все же будет велик; абсолютно немыслимой при такой армии является оборона: при неудачных операциях своей «малой» армии придется неизбежно обратиться к массам, без использования которых не остановить вторжения в страну успешно наступающего врага. Большая современная война. как мы не раз отмечали, требует надежной работы не только на фронте, но и в глубоком тылу. во всей стране; надежные люди в тылу, внутри страны, питающей прожорливый фронт, нужны не в меньшей мере, чем на фронте.

Мысль о малых армиях, заостренно выдвинутая после империалистической войны, не нашла еще ни в одной из решающих капиталистических стран (за исключением Германии, принужденной к этому условиями Версальского договора) своего практического осуществления.

---

[1] Такие взгляды развиваются целым рядом буржуазных военных писателей, среди которых особенно выделяется английский полковник Фуллер со своей теорией малых механизированных армий.

Массовые армии остаются, но развитие их связывается с характерной особенностью последних лет — *с фашизацией вооруженных сил капиталистических государств.* Обращается больше внимания на классовый подбор командующих кадров армии мирного времени и на политическую обработку вообще всей армии.

Численность армии мирного времени по сравнению с периодом до мировой войны у некоторых государств даже увеличена. Не находится ли это увеличение численности армии в некотором противоречии с такими явлениями, как сокращение сроков службы в целом ряде армий? Сроки солдатской службы действительно уменьшены; наиболее распространенный срок службы под знаменами в государствах с общей воинской повинностью — 18 месяцев (Франция, Чехо-Словакия, Польша, Латвия и Эстония); у румын 20—24 месяца, в Юго-Славии — 18—24 мес.; наименьшие сроки службы в Бельгии — 10 мес. и в Финляндии — 12 мес. Сокращение сроков службы, вопреки утверждениям буржуазных пацифистов, отнюдь, конечно, не является доказательством ослабления темпов подготовки новых войн. Наоборот, сокращенные сроки службы дают возможность пропустить через одной и той же численности кадровую армию больше людей, чем могло быть пропущено при более длительных сроках. Этим путем усиливается отработка для войны людских резервов и темпы их накопления.

Особняком стоят в этом отношении вербовочные армии Англии (срок службы 3—9 лет) и Соединенных штатов Северной Америки (срок службы 1—3 года). Германия, Австрия, Венгрия и Болгария лишены по Версальскому миру права установления всеобщей воинской повинности и имеют вербовочные армии, срок службы в которых от 6 до 12 лет.

Выше мы отметили, что характерной особенностью последних лет является усиленная фашизация вооруженных сил.

Прямым выражением этой фашизации являются *вооруженные силы фашизма, развивающиеся на ряду с регулярной армией.*

Чисто-военные организации фашистов представляют собою классовую вооруженную силу буржуазии и комплектуются вполне надежными и испытанными представителями своего класса. Рост численности таких чисто-военных организаций идет быстрым темпом; в настоящее время фашистская армия некоторых государств по своей численности превосходит регулярные армии мирного времени в 3—4 раза, а в Германии, Польше и Финляндии — даже в 5 раз. Приведем такие характерные цифры: постоянная армия Германии равна 100 тыс. чел., а вооруженных фашистов имеется около 500 тыс. чел.; в Италии эти цифры соответственно будут 250 тыс. чел. и 500 тыс. чел., в Англии — 143 тыс. и 320 тыс., в Польше — 300 тыс. и 1 500 тыс., в Финляндии — 28 тыс. и 145 тыс в Эстонии — 13 тыс. и 32 тыс., в Латвии — 18 тыс. и 40 тыс. человек.

Эти войска, имеющие вид военных союзов, обладают стройной военной организацией, мало отличающейся от армейской организации; вооружены и снабжены они не хуже регулярного войска. Это тип добровольной армии, которая отдельными своими частями собирается на учебу один-два раза в неделю, а в летнее время проходит краткие, примерно, двухнедельные лагерные сборы. Особенно характерен в этом отношении финляндский шюцкор, который обучается по весьма обширной военной программе, охватывающей все виды боевой деятельности войск, и кроме того проходит политическую подготовку; в шюцкоре прохождение службы — такое же, как в армии, с продвижением в чинах и по должности.

Социальный состав фашистских военных союзов сопредельных с СССР государств представляется в следующем виде: городской буржуазии — до 50—60 процентов, городской и деревенской мелкой буржуазии — 25—30 процентов, рабочих и батраков—5—10 процентов; впрочем, процент индустриальных рабочих, примкнувших к фашистам, незначителен — 1—3 процента.

Кроме чисто военных фашистских организаций, имеются полувоенные фашистские детские и юношеские отряды. Особую группу фашистских организаций

составляют многочисленные спортивные и гимнастические общества, доступ в которые открыт для широких масс населения, но работа в которых проводится под руководством фашистов и имеет целью военизацию спортивных занятий. Большое внимание уделяется стрелковым, а в последнее время — автомобильным и авиационным клубам, а также вопросам химической борьбы; так, например, польская лига противовоздушной и химической обороны имеет в своем составе до полумиллиона человек.

★

Обратимся теперь к вопросу *развития техники за последние годы*. Прежде всего приходится отметить, что *оружие эпохи империалистической войны в основном продолжает оставаться в вооружении армий* лишь в отчасти усовершенствованном виде; замена его в большом масштабе другим не представляется в ближайшее время возможным.

Даже наиболее мощные в экономическом и финансовом отношениях государства не в состоянии справиться с массовым перевооружением армии: громадный запас имевшегося оружия не так-то легко сбросить со счетов их средств.

Усовершенствование артиллерии идет по линии увеличения ее дальнобойности и усовершенствования приборов для стрельбы. Дальность легких пушек возрастает до 11—13 километров, а в более крупных калибрах — значительно больше. Отдельные новые достижения в области особо мощных орудий, с так называемыми сверхдальними дистанциями огня, массового значения не имеют. Гораздо более существенную роль играют технические достижения, позволяющие дать большую подвижность артиллерии. Широкое применение механической тяги — вот собственно самая характерная черта развития артиллерии последних лет; корпусная артиллерия во многих армиях уже перешла на механическую тягу, последняя начинает проникать частично и в дивизионную; развитие гусеничной тяги

идет навстречу этому, позволяя артиллерии передвигаться и без дорог.

Особое внимание уделяется усовершенствованию танков. На ряду с развитием тяжелых образцов танков усиливается значение более легких и подвижных. Если танк по его состоянию в мировую войну являлся лишь орудием пехотной атаки, то последние годы расширяют его роль; легкий танк способен ныне быть спутником и соратником кавалерии.

Пехота продолжает усиливать свою пулеметную мощь, и кроме того в пехоту широко вкрапливается артиллерия. Современный пехотный полк — уже собственно не пехотная часть, а общевойсковое соединение из нескольких родов оружия; даже батальон имеет данные обратиться в общевойсковое соединение. Само огневое насыщение пехоты сильно выросло за последние годы, при чем процесс этого насыщения все еще идет дальше. Не так давно пехотная дивизия армии САСШ имела автоматов — 672, пулеметов — 158, 37-миллиметровых орудий — 22, 75-миллиметровых мортир — 12, а за последний год намечен переход к тому, чтобы иметь автоматов—1 288, пулеметов—264, 75-миллиметровых мортирок — 32; таким образом пулеметный огонь увеличивается приблизительно в два раза, а огонь пехотной (батальонной) артиллерии — в три раза. Такая американская пехотная дивизия превосходит по огневой мощи пулеметов и батальонной артиллерии дивизию любой из современных европейских армий в два-три раза.

Кроме моторизации и механизации армии, развитие военного искусства за последнее десятилетие характеризуется *мощным развитием воздушного флота и подготовкой средств химической борьбы.* Моторизованным и механизированным войскам, авиации и химическим средствам в будущей войне, повидимому, придется сыграть крупнейшую роль. Широкое применение они находят уже в настоящее время в войнах в колониальных странах.

Технические достижения в области авиации за последние годы огромны; цифровое выражение этих до-

стижений, правда, не массовых, а рекордных, такое: мировой рекорд скорости для самолета — 575 километров [1] в час; мировые рекорды дальности полета по прямой для самолетов — 7 905 километров и с питанием горючим в воздухе — 42 000 километров; грузоподъемность — 23 тонны для самолетов и 72 тонны полезного груза для дирижаблей. Повторяем, что эти цифры — лишь рекордные, но они отчетливо говорят о крупных технических достижениях по сравнению с эпохой мировой войны.

Авиация в военное время развивается на базе общего развития воздушного флота и авиационной промышленности. Надо учесть, что в мировую войну промышленность позволила построить 160 000 самолетов. За последнее же десятилетие развитие авиационной промышленности идет высоким темпом. Воздушные бюджеты государств растут, как говорится, не по дням, а по часам.

Так, например, воздушный бюджет Франции в 1929 г. по сравнению с 1928 г. возрос в два с половиной раза. Цифры воздушного бюджета в долларах в 1929/30 г. таковы: САСШ — 145 557 000, Англия (не считая доминионов и колоний) — 104 619 000, Франция — 85 714 285. Рост количества военных сухопутных и морских самолетов в пяти крупнейших странах капитала характеризуется следующими цифрами [2]:

Число самолетов

	1928/29 г.	План 1931/32 г.
Англия:		
в метрополии	735	900
в колониях	1 291	1 700
в доминионах	1 537	2 000
Всего	3 563	4 600

[1] Предельная практическая скорость наиболее совершенных типов боевых самолетов, уже принятых на вооружение, колеблется в пределах 320—360 километров в час (истребители).

[2] Цифры по авиации взяты из статьи В. Зарзар в „Известиях" 1 авг. 1930 г.

Франция:		
в метрополии	1 635	2 650
в колониях	268	500
Всего	1 903	3 150
Италия:		
в метрополии	1 360	2 000
в колониях	240	300
Всего	1 600	2 300
САСШ	1 379	2 500
Япония	700	1 000

Размах достижений современной авиационной промышленности особенно характерен для Северо-Американских Соединенных штатов, которые за два-три года опередили другие империалистические страны, развернув производство в 1927 г. — 1 995 самолетов, в 1928 г.— 4 346 самолетов и в 1929 г. — около 6 500 самолетов и свыше 8 000 моторов.

В войнах, которые ведутся все эти годы в колониальных странах, самолет используется частично и как средство транспорта. Перспективы такого его использования в будущем несомненны; работа линий воздушных сообщений в 1929 г. для Франции и Германии такова: в Германии перевезено пассажиров 105 074, почты — 389 тонн, грузов — 4 182 тонн; во Франции: пассажиров — 25 256 чел., почты — 149 тонн, грузов — 1 603 тонн; при этом число транспортных воздушных судов в 1929 г. было: в Германии — 183 самолета и 1 дирижабль, во Франции — 416 самолетов [1].

В мирное время использование авиации распространяется на многие области хозяйственной жизни страны; это ведет к расширению авиационной промышленности, которая явится мощной базой расширенного производства для нужд войны.

Несомненно также широкое использование в будущей войне химических средств борьбы; *быстрый темп развития химической промышленности — одно из ха-*

[1] „Красная звезда" 8 августа 1930 г.

рактерных явлений последних лет. Если перед мировой войной одна только Германия имела развитую химическую промышленность, то в настоящее время САСШ и Франция не только полностью покрывают внутреннее потребление. но еще и вывозят значительное количество химических продуктов за границу, являясь сильным конкурентом Германии.

Специально-военная промышленность после мировой войны пережила большой кризис, и в дальнейшем на нее смотрят лишь как на кадры для развития военной промышленности в военное время. Впрочем, имеющиеся предприятия сейчас загружены полностью. Развитие специально-военной промышленности наблюдается только в новых государственных образованиях, например, в Польше, Юго-Славии. Центр тяжести сосредоточен на приспособлении гражданской промышленности для военного производства в случае войны, в соответствии с заранее разработанными в мирное время мобилизационными планами.

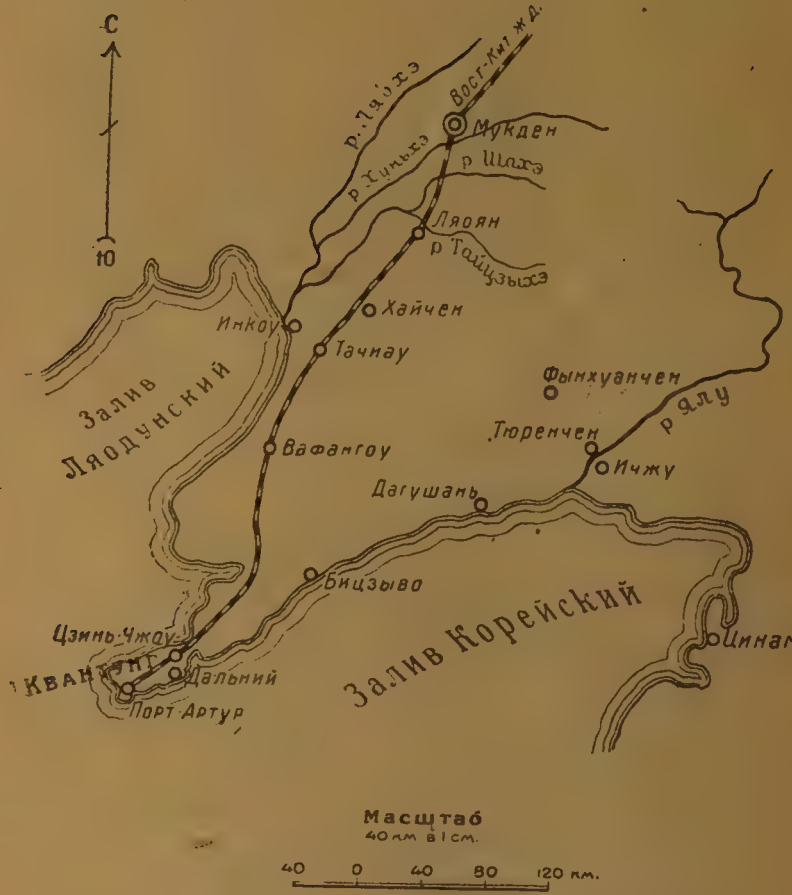
В заключение еще раз подчеркиваем, что современное военное искусство требует подготовки не только армии, но и всей страны в целом: армия — только вооруженный авангард всех тех сил и средств, которые потребует война. Ведение войны невозможно без активного участия широких масс населения. Однако рост классовых противоречий, как мы уже отмечали, толкает буржуазную военную мысль к тому, чтобы (пока еще теоретически) искать выход в так называемых малых армиях, где человеческие массы заменяются машиной. Грозные мечты «фуллеристов» о войне будущего, где судьбу народов и человечества решают маленькие механизированные армии и мощная авиация, сжигающая города, заливающая жизненные центры отравляющими веществами, на деле являются ничем иным, как выражением той массобоязни, которая характеризует современную буржуазную военную мысль. Оформившаяся еще накануне мировой войны ставка буржуазии на «вооруженный народ» переживает кризис.

Если в постановке вопроса о характере будущей войны буржуазная военная мысль характеризуется изумительной амплитудой колебаний, противоречивым сплетением фуллеризма со ставкой на массовые армии, то наша военно-теоретическая мысль по вопросу о характере будущей революционно-классовой войны имеет совершенно четкие установки. Будущая война СССР с капиталистическим миром мыслима лишь как революционно-классовая война, как столкновение двух взаимно исключающих систем. Отсюда решительный характер этих столкновений. Дальнобойность современной военной техники (авиация, моторизация) и сам характер революционно-классовой войны стирают грани между фронтом и тылом (М. В. Фрунзе). В революционно-классовой войне борющиеся стороны, как об этом говорит опыт войны 1918—21 гг., будут пытаться опереться не только на собственные вооруженные силы, но и на сочувствующие классовые элементы в тылу противника. Навряд ли требуется доказывать, что в последнем отношении перед пролетарской революцией, ведущей за собой основные массы населения, раскрываются широкие возможности. Из представления о будущей революционно-классовой войне как войне с решительными целями, войне высокого напряжения, войне масс вытекают практические задачи по подготовке к обороне страны строющегося социализма. В самой структуре нашего хозяйства заложены все предпосылки для разрешения тех трудных вопросов экономики военного времени, над которыми спотыкались буржуазные государства в мировой войне. Индустриализация страны, мощно развертывающееся социалистическое переустройство деревни попутно решают и вопросы обороны. Реконструируется военно-техническая база Красной армии. Сила этой реконструкции в том, что она идет не по пути противопоставления человека машине, а сочетания усилий того и другого. Подготовка людских резервов к войне уже не может быть решена усилиями одного военного ведомства и Красной армии. Отсюда в деле военной подготовки трудящихся масс громадная роль принадлежит такой общественной организации, как Осоавиахим. От-

сюда и та громадная ответственность за военную подготовку рабоче-крестьянской молодежи, которая ложится на комсомол.

Правительство СССР борется за мир, за продление передышки, за обеспечение все шире развертывающегося социалистического строительства.

Однако события на Дальнем Востоке продемонстрировали еще одну новую черту современных войн. Эти события продемонстрировали, что вооруженное нападение на СССР может начаться без всяких предварительных сигналов, без соблюдения международных ритуалов, обыкновенно предшествующих войне (ноты, отзывы послов и т. д.). Это лишний раз подчеркивает необходимость бдительности и неослабного внимания всей рабоче-крестьянской общественности к вопросам обороны.


С
10
р. Ляохэ
Вост-Кит. ж.д.
Мукден
р. Хунхэ
р. Шахэ
Ляоян
р. Тайцзыхэ
Хайчен
Инкоу
Тачиау
Залив Ляодунский
Фынхуанчен
р. Ялу
Тюренчен
Ичжу
Вафангоу
Дагушань
Бицзыво
Цзинь-Чжоу
Квантун
Дальний
Порт-Артур
Залив Корейский
Цинампо
Масштаб
40 км в 1 см.
40 0 40 80 120 км.

С
Ю
Мукден
Голова 1-го арм корпуса
р. Ляохэ
р. Хуньхэ
Ст. Шахэ
Бригада Орлова из V сиб.к.
Ст Янтай
Копи Янтай
Сыквантун
Бенсиху
IV С к.
V С к
XVII к
Ляоян
р. Тайцзыхэ
I С6 к.
II С6 к
X к
III с к
Лентовуан
1 я Яп армия Куроки
р. Таньхэ
Ляндясан
2ая Яп. арм.
4ая арм.
Масштаб
10км в 1 см
10 0 10 20 30

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 5

Глава I. Основные этапы развития военного искусства в XX веке 7

Глава II. Опыт англо-бурской (1899 — 1902 гг.) и русско-японской (1904—1905 гг.) войн . . 26

1. Уроки англо-бурской войны. — 2. Русско-японская война

Глава III. Империалистическая война 1914—1918 гг. . 52

Глава IV. Гражданская война 1918—1921 гг. 86

1. Гражданская война 1918 — 1921 гг. и ее уроки.—2. Основные линии развития военного искусства за последнее десятилетие

Схема №3.
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ
ТЕАТР ВОЙНЫ
1914-18 гг.
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ГЕРМАНИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
ШВЕЙЦАРИЯ
Остенде
БРЮГГЕ
АНТВЕРПЕН
ГЕНТ
Термонд
Мехельн
Дюнкерк
Калэ
Лувен
БРЮССЕЛЬ
Тирлемон
р. Маас
КЕЛЬН
ААХЕН
Эупен
ЛЬЕЖ
Первец
р. Шельда
ЛИЛЬ
Монс
Тюи
Намюр
Мальмеди
КОБЛЕНЦ
Шарлеруа
р. Самбра
Валансьен
р. Скарпа
Аррас
Мобеж
Динан
р. Урта
С. Вит
Филипвиль
Камбре
Живэ
Ландреси
Фурмье
р. Мозель
р. Рейн
МАЙНЦ
Рокруа
Гирсон
Шарлевиль
р. Семуа
Нефшато
Мезьер
Арлон
Седан
ЛЮКСЕМБУРГ
Трир
Виртон
Лонгви
Монмеди
Ретель
Аргонн
р. Шьера
р. Саар
Диденгофен
Спинкур
р. Эн
р. Вель
РЕИМС
Саарбрюкен
Этен
Конфлан
МЕЦ
ВЕРДЕН
Саргемюнде
С. Менегу
р. Маас
р. Марна
ШАЛОН
Понт-а-Муссон
Диез
Сарбург
Комерси
Бар-ле-Дюк
НАНСИ
Туль
ПАРИЖ
р. Сена
Витри
Люневиль
СТРАСБУРГ
С. Дизье
р. Мозель
Ширмек
р. Мерта
Гондрекур
Нефшато
Шарм
С. Дье
Шлетштадт
Мирекур
Эпиналь
Кольмар
Ремиремон
Ней-Бризах
р. Рейн
Танн
Мюльгаузен
Истейн
Бельфор
БАЗЕЛЬ
Монбельяр
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Государств. граница
Крепости
масштаб
50
0
50
100 килом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК, МОК и ЛОК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
Москва, Новая площадь, 6/8.

КНИГИ ПО ВОЕННОЙ РАБОТЕ КОМСОМОЛА

Брагин М. — **О военной работе комсомола.** (Комсомольцы, к моторам!)
62 стр., ц. 20 коп.

Славин С. — **Краскомы советских морей.**
45 стр., ц. 15 коп.

Филаретов К. — **Наш подшефный на морях.** (О военно-морском училище им. М. В. Фрунзе).
79 стр., ц. 25 коп.

Субоцкий Л. — **Вооруженный комсомол.**
109 стр., ц. 65 коп.

Фрумин С. — **Комсомол, крепи оборону СССР.**
77 стр., ц. 18 коп.

Юшков С. Т. **Тактические (показные) учения молодежи.** (Опыт военной учебы) с 44 рис. и черт. 1930 г. (Военная работа ВЛКСМ, серия „В помощь военкору комсомольской ячейки").
80 стр., ц. 35 коп.

Янов Л. — **Комсомол, готовься к грядущим боям.**
46 стр., ц. 10 коп.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ КНИГОЦЕНТРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК, МОК и ЛОК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
Москва, Новая площадь, 6/8

Азарин М. — **Колхозное движение и беднота.**
72 стр., ц. 16 коп.

Булах В. — **Год великого перелома и производственного энтузиазма.**
62 стр., ц. 15 коп.

Голиков — **Партия к XVI съезду.**
(печ.)

Жданова — **Профсоюзы на новом этапе и ВЛКСМ.**
(печ.)

Колесников. — **Съезд побеждающего социализма.**
80 стр., ц. 16 коп.

Коптев. Н. — **Деревенским комсомольцам о XVI съезде ВКП(б).**
80 стр., ц. 12 коп.

Лебедев Д. — **Костры революции пылают.**
112 стр., ц. 20 коп.

Лобовский А. — **Руководить и отвечать за колхозное движение.** (Сельские советы на новом этапе развернутого социалистического наступления по всему фронту.
80 стр., ц. 20 коп.

Ровинский — **Во главе мас, против бюрократизма.**
(печ.)

Сеннов А. — **Деревня на социалистической стройке.**
93 стр., ц. 17 коп.

Бубекин В. и Трифонов Н. — **Идеи, ставшие силой.**
87 стр., ц. 20 коп.

Зархий С. — **Коммуна в цехе.** С 5 рисунками.
76 стр., ц. 20 коп.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ КНИГОЦЕНТРА

23633

СКЛАД ИЗДАНИЯ: МОСКВА, БОГОЯВЛЕНСКИЙ, ДОМ № 4 КНИГОЦЕНТР